

Проф. Успенский Н.Д.

Христианская православная Утреня

(историко-литургический очерк)

1952 г.

Оглавление

Утреня по современному уставу русской церкви.....	1
Утреня в первые века христианства	4
Утреннее богослужение по «Завещанию»	5
Утреня Постановлений апостольских.....	11
Иерусалимская утреня в IV веке	14
Песенная утреня по описанию блаж. Симеона, архиепископа Солунского.....	17
Сведения о песенной утрене из древнейших патриарших типиконов иерусалимской и константинопольской церкви	23
Утренние молитвы	25
Строй песенной утрени в целом	27
Древне-иноческое утреннее правило псалмопения как основа монастырского утреннего богослужения.....	28
Развитие иноческой утрени.....	30
Процесс трансформации утрени	38
Особенности отправления утрени в русской церкви в досинодальный период	40
Особенности в отпращивании утрени по современному уставу греческой церкви.....	50
Заключение	52

Утреня по современному уставу русской церкви

В современном богослужении русской церкви имеется три вида утрени: 1) полиелейная, 2) с великим славословием и 3) вседневная.

Утреня полиелейная составляет особенность воскресного богослужения и праздников со знаками в уставе ⊕, ⊙ и +. Совершается она или в соединении с великой вечерней, образуя вместе с последней всенощное бдение, изложенное во второй главе Типикона, или в отдельности от вечерни, в соответствии с 7 главой Типикона. Вопросу соединения бденных и полиелейных праздников с воскресной службой посвящены 3 и 4 главы Типикона, а соединению тех же праздников с субботой — 15-я.

Утреня с великим славословием совершается в дни памяти святых с красным знаком в уставе (. Кроме того, она совершается в дни отдания двенадцатых праздников, хотя бы в эти дни не было памяти празднуемого святого, например, 23 августа или 31 декабря. Великое славословие также полагается в субботы: сырную, 5 седмицы великого поста, Лазареву и Великую, в преполовление пятидесятницы, в отдание Пасхи и в день Святого Духа. Специальной главы в уставе, где бы излагался этот вид утрени полностью, нет, так как до пения хвалитных псалмов («Всякое дыхание да хвалит Господа») в части последования чина она совершается как вседневная, с пения же этих псалмов — как полиелейная.

Утреня вседневная совершается в дни памяти святых с черным знаком в уставе (или без всякого знака. Порядку отправления этого вида утрени посвящена 9 глава Типикона, а для субботнего дня — 12-я. Кроме того, в части переменного состава песнопений даются обстоятельные указания в «Указе о службах всея седмицы» и в «Указе о службе субботней», помещенных в конце 1 и 2 части Октоиха.

Постоянный состав песнопений всякой утрени вообще содержится в Часослове при Псалтири следованной, а ектении и иерейские молитвы — в Служебнике. Указания, касающиеся отдельных песнопений, даны в специальных главах Типикона: в 11 главе о каноне, в 16 — о светильнях, в 17 — о кафизмах, в 18 — о том, когда следует отправлять канон праздничным порядком («Поем Господеви») и когда вседневным («Господеви поем»); в 19 — о рядовой катавасии, в 20 — о днях, когда поется «Честнейшую», о пении тропарей гл. 52. Отдельные частные указания содержатся на ряду в синаксарной части типикона, в Минеях, Октоихе и Триодях.

Сами названия: утренья полиелейная, утренья с великим славословием, показывают отличительные особенности двух этих видов утрени от утрени вседневной.

Вкратце чин утрени состоит в следующем. По возгласе «Благословен Бог наш» читается «обычное начало», т. е. «Слава тебе Боже наш», «Царю небесный», «Пресвятая Троице помилуй нас», «Отче наш», затем после возгласа «Яко твое есть царство» — «Господи помилуй» 12 раз, Слава и ныне, «Приидите поклонимся», псалмы 19 и 20, опять Трисвятое и по возгласе — тропарь «Спаси Господи люди твоя», слава — кондак «Вознесыйся на крест», и ныне — богородичен «Предстательство христиан». Во время этого чтения иерей совершает каждение алтаря и всего храма. Затем произносится сокращенная сугубая ектения, положенная в чине малой вечерни (гл. 1 Типикона). По возгласе иерея «Яко милостив» лик поет «Именем Господним благослови, отче». Иерей дает собственно утренний возглас «Слава святей...», после чего читается шестопсалмие.

Эта часть утрени (до шестопсалмия) в том случае, когда утренья отправляется в соединении с вечерней в одном последовании вседневного бдения, — не совершается. В таком случае утренья начинается шестопсалмием.

После шестопсалмия произносится великая ектения и поется «Бог Господь» с тропарем празднику или святому, а в великом посту и в дни поминовения усопших вместо «Бог Господь» поется «Аллилуиа» с особыми тропарями. Затем следует чтение кафизм: на полиелейной утрени двух, а на утрени с великим славословием или вседневной — двух или трех, в зависимости от времени года и дня недели (Типикон, гл. 17). После каждой кафизмы полагается седален. На полиелейной утрени, на утрени с великим славословием, а также и на вседневной, если последняя совершается в субботу или в дни предпразднства, попразднства и отдания праздников, а равно в течение периода Пятидесятницы, между кафизмой и ее седалном полагается малая ектения.

На полиелейной утрени после седална второй кафизмы совершается полиелей с каждением всего храма. В воскресные дни, начиная с недели Жен мироносиц и до отдания праздника Воздвижения, за исключением праздника Святой Троицы, а также в период с 20 декабря по 14 января и в период времени от недели сырной до недели Ваий, если с воскресным днем не совпадает бденный или полиелейный праздник, полиелей состоит из пения 118 псалма: «Блажени непорочнии в путь...». Если же в указанные периоды года с воскресным днем совпадает бденный или полиелейный праздник, то вместо непорочных поются 134 и 135 псалмы: «Хвалите имя Господне» и «Исповедайтесь Господеви». Эти же псалмы вместо непорочных поются на воскресных утрених в прочее время года, хотя бы совпадения с воскресным днем бденного или полиелейного праздника не было. В бденные и полиелейные праздники, совпадающие с седмичными днями всего года, также поются 134 и 135 псалмы — «Хвалите имя Господне...» и «Исповедайтесь Господеви...». В неделю о блудном сыне, мясопустную и сырную к псалмам «Хвалите имя Господне» и «Исповедайтесь Господеви» прилагается еще 136 псалом «На реках вавилонских...». В праздники господские, богородичные и святых к 134 и 135 псалмам прибавляется псалом избранный с величанием (Типикон, гл. 17). На воскресной утрени, поются ли Непорочны или «Хвалите имя Господне» — полиелей заканчивается пением тропарей «Благословен еси Господи...» и «Ангельский собор...»¹. Далее на полиелейной утрени полагается малая ектения и седален, а на воскресной ипакои гласа. Затем поется антифон, произносится прокимен, читается Евангелие. Далее полагается 50 псалом с припевами и стихира праздника, а на воскресной утрени перед 50 псалмом еще «Воскресение

¹ Исключение составляют неделя Ваий, неделя Антипасхи и Пятидесятницы, когда эти тропари отменяются, поскольку в эти праздники, как и в другие господские — двенадцатые «ничто же воскресно поется, но тоию праздника».

Христово видееше»². Затем произносится «Спаси Боже люди твоя», поется «Господи помилуй» 12 раз, возглас «Милостию и щедротами», после чего следует канон.

На утрене с великим славословием и на вседневной эта часть отсутствует. Здесь после седальна последней кафизмы читается 50 псалом. На великопостной утрене после 50 псалма непосредственно следует канон.

Состав канона в разные праздники и дни седмицы различен и указывается на ряду в Типиконе, Октоихе, Минеях и Триодях. Существуют три порядка его отправления: праздничный, вседневный и великопостный. Все они изложены обстоятельно, с указанием библейских стихов, положенных для соединения с тропарями, в Ирмологии. Праздничным порядком совершается канон на воскресной утрене, на утрене бденным и полиелейным святым и святым с великим славословием, а также и шестеричным святым и святым без знака в уставе, если памяти их совпадают с предпразднством или попразднством, отданием двенадцатых праздников и в период пятидесятницы. В прочее время года на памяти святых шестеричных и без знака в уставе, канон отправляется вседневным порядком. Существенная разница между праздничным и вседневным порядком отправления канона состоит в том, что при праздничном отправлении полагается так называемая рядовая катавасия (Типикон, гл.19), которая поется после каждой песни канона. При отправлении канона вседневным порядком катавасия полагается лишь после 3, 6, 8 и 9 песен, причем ирмосы на катавасию берутся от последнего канона из читаемых. Кроме того, в этом случае после катавасии 9 песни поется «Достойно есть», чего при отправлении канона праздничным порядком не положено (см. Ирмологий). Великопостным порядком канон отправляется в понедельник, вторник, среду, четверг и пятницу первых шести недель Великого поста, за исключением четверга пятой седмицы. Устав отправления канона великопостным порядком подробно изложен в Типиконе в службе понедельника первой седмицы Великого поста.

На всяком каноне после 3, 6 и 9 песен полагается малая ектения, за которой следует после 3 песни обычно седален, после 6 — кондак, а после 9 — светилен или эксапостилярый. Кроме того, после 8 песни поется «Честнейшую»³. На 9 песне канона совершается каждение всего храма (Типикон, гл.22).

После светильна или эксапостилярия на полиелейной утрене и на утрене с великим славословием поются хвалитные псалмы «Всякое дыхание» со стихирами, после чего следует великое славословие, тропарь праздника. Если тропарь поется не Господу и не Богородице, то к нему прилагается «Слава и ныне» и богородичен воскресный по гласу тропаря святого (Типикон, гл. 52), а в субботу «настоящего гласа», т. е. гласа истекающей седмицы (Типикон, гл. 15) сугубая и просительная ектения и отпуст при открытых святых вратах.

На вседневной утрене в отдельных случаях также полагается пение хвалитных псалмов и стихир. Обычно же хвалитные псалмы читаются («Хвалите Господа с небес») и к ним присоединяется «Тебе слава подобает...». В обоих случаях чтец сам произносит «Слава тебе, показавшему нам свет» и читает вседневное славословие. После этого полагается просительная ектения, стиховные стихиры, «Благо есть исповедатися Господеви», Трисвятое, тропарь святому с богородичным, ектения «Помилуй нас, Боже», затем «Премудрость», «Благослови», «Сый благословен», «Утверди, Боже» и присоединяется первый час, так что отпуст произносится в конце этого часа.

На великопостной утрене после «Благо есть...» и Трисвятого вместо тропаря читается «В храме стояще славы Твоя...», Господи помилуй — 40 раз, Слава и Ныне, «Честнейшую», «Именем Господним». По возгласе «Сый благословен» читается молитва «Небесный царю...» и полагаются поклоны с молитвой преп. Ефрема Сирина, а затем первый час.

Таков в общих чертах порядок утрени.

² Пение «Воскресение Христово видееше» положено еще на утрене в праздник Воздвижения креста Господня, вне зависимости от дня седмицы, в субботу Лазареву и во все дни, начиная с первого дня Пасхи до праздника Вознесения Господня. На пасхальной седмице и на воскресных утренях этого периода «Воскресение Христово видееше» поется трижды, а в седмичные дни, вне зависимости от степени праздника святого — один раз.

³ Дни, когда не положено пение «Честнейшую», указаны в 20 главе Типикона.

Утренняя в первые века христианства

Начало христианской утрени положено было в церкви апостольского времени. Апостолам — иудеям по происхождению, было хорошо известно ветхозаветное утреннее богослужение. Безусловно, что оно было священным для них, ибо о нем говорилось в Писании: «Давид оставил там, пред ковчегом завета Господня Асафа и братьев его, чтобы они служили пред ковчегом постоянно, каждый день... для возношения и всесожжения Господу на жертвеннике всесожжений, постоянно, утром и вечером» (1 Пар. XVI, 37.40). Наконец, «от ночи утренюющие» пророки: Давид (Пс. V, 4), Исаия (XXVI, 9) служили им примером к соблюдению утренней молитвы как священной традиции благочестивых предков еще до призвания их, т. е. апостолов, Христом. С этим благочестивым обычаем они, как истинные израильтяне, пришли ко Христу. Новозаветные же события слагались в пользу еще большего укрепления этой традиции и нового идейного ее переосмысления. В ночной темноте до наступления рассвета совершились два величайших священных события: Рождество Христово и Его тридневное Воскресение из гроба. К этому нужно добавить, что Сам Спаситель называл Себя Светом миру (Ин. III, 19; VIII, 12). В силу этих обстоятельств у учеников Христовых ветхозаветная традиция предрассветной молитвы приобрела новый смысл, а именно, самое появление утреннего света всегда напоминало им о пришедшем на землю и воскресшем из гроба Свете мира. Укреплению этих представлений у первых последователей Христа содействовало еще и то обстоятельство, что в то время, когда апостолы проповедовали о воскресшем Спасителе, в Римской империи широко распространялся культ Митры с поклонением солнцу как божеству. Естественно, что апостольская проповедь противопоставляла источнику дневного света — солнцу, которому поклонялись язычники, Христа как светоподателя и чувственного и духовного света. И чем шире распространялось христианство, чем больше сталкивалось оно с язычеством, тем сильнее укреплялась христианская идея о Христе как о Солнце правды. Эта мысль о противопоставлении Христа как Солнца правды солнцу, которому поклонялись язычники, нашла свое отражение в тропаре на Рождество Христово: «Рождество твое, Христе Боже наш, воссия миру свет разума, в нем бо звездам служащим звездою учахуся тебе кланяться, Солнцу правды...». Отсюда, естественно, утренний восход солнца, вызывавший у язычников поклонение небесному светилу, у христиан вызывал благоговейное воспоминание и молитвенное обращение к Спасителю. И в то время, когда язычники преклоняли колена перед восходящим солнцем, христиане прославляли Христа. Восход солнца напоминал им самое событие Воскресения Христова, каковая мысль позднее была запечатлена св. Романом Сладкопевцем в его кондаке на Воскресение Христово: «Еже прежде солнца солнце зашедшее иногда во гроб предвариша ко утру ищущие яко дне мирносицы девы...». Так еще в первом веке было положено начало христианской утрени.

На рубеже I и II столетий обычай утреннего прославления Христа становится настолько распространенным среди христиан, что о нем знают уже язычники. Проконсул Плиний в своем донесении императору о вифинских христианах писал, что «они в установленные дни собирались вместе перед восходом солнца и пели поочередно хвалебные гимны Христу, считая его за божество»⁴.

Это сообщение Плиния для нас важно не потому только, что оно подтверждает существование у христиан того времени утреннего богослужения, но и потому, что оно указывает на самое содержание этого богослужения. Христиане, по словам Плиния, на этом богослужении поют хвалебные гимны Христу. В этих кратких словах римского проконсула дана квинтэссенция ранней христианской утрени как предрассветного славословия Христа. Заслуживают внимания и последующие слова Плиния о том, что христиане прославляют Христа, «считая его за божество». Этот язычник понял суть утреннего христианского богослужения, а именно, что в то время, как языческая империя прославляла бога-солнце, христиане таковым, т. е. божеством, считали Христа.

Что представляли собой те славословия, какими христиане прославляли Христа, Плиний не говорит. Возможно, что сюда входили и ветхозаветные псалмы, где говорится об утренней молитве, напр. 62-й: «Боже, Боже мой, к тебе утреннюю...» и библейские песни, как напр. песнь пророка Исаии: «От ночи утренюет дух мой к тебе, Боже...». Но были здесь и новозаветные, собственно

⁴ Вестник древней истории Ак. наук СССР, 1946 г. I, стр.254. /Приложение/.

христианского творчества гимны. Так можно уже полагать потому, что эти гимны в виде кратких славословий существовали в церкви еще в I столетии, и зритель божественных откровений, апостол Иоанн Богослов, приводит целый ряд их в своем Апокалипсисе, напр.: «Достоин Ты, Господи, принять славу и честь и силу, ибо Ты сотворил все и все по Твоей воле существует и сотворено» (IV, 11); «Достоин Ты взять книгу и снять с нее печати; ибо Ты был заклан и кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка и народа и племени... Достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь, и славу и благословение... Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь и слава и держава во веки веков...» (V: 9, 12, 13). В этих славословиях и других, им подобных, что имеются в Апокалипсисе, была положена основа современных нам христианских гимнов, молитв и богослужебных возгласов⁵. Ученые полагают, что в числе тех гимнов, о которых сообщает Плиний императору Траяну, было и наше современное великое славословие в его простейшем виде⁶. Это вполне возможно, так как есть известия, что оно было введено в римскую литургию еще св. мучеником папой Телесфором, скончавшимся в 130–140 годах⁷. Вариант такого простейшего вида великого славословия дан в 47 главе VII книги Постановлений апостольских⁸. Вот он «Слава в вышних Богу и на земле мир, в чело ющих благоволение. Хвалим Тя, поем Тя, благословим Тя, славословим Тя, кланяем Ти ся чрез великого архиерея, Тебе истинному Богу, единому нерожденному, единому неприступному, великия ради славы Твоя, Господи, Царю Небесный, Боже Отче, Вседержителю, Господи Боже, Отче Христа, Агнца непорочного, взявшего грех мира. Приими моление наше, седяй на херувимех. Яко Ты един свят, Ты един Господь Иисус, Христос Бога всякия сотворенныя твари, Царя нашего: Им же Тебе слава, честь и почитание». Связь этой редакции великого славословия с утренним богослужением раннего христианства отражается в самом содержании гимна. Он начинается словами ангельского славословия, прозвучавшими над землею перед рассветом в ночь рождения Христа. Кроме того, гимн не имеет позднейших молений покаянного характера и с этой стороны соответствует выражению Плиния: «пели... хвалебные гимны».

Утреннее богослужение по «Завещанию»

⁵ Ф.Смирнов. Апокалипсис как литургический памятник. Тр. К. Д. Ак. 1874 г., кн. 4, сс. 107–122.

⁶ Ф. Смирнов. Богослужение христианское со времен апостольских до IV века. Киев, 1876 г., стр. 47 и далее.

⁷ Вальфред Страбо. De exordiis et incrementis quarundam in observatonibus ecclesiasticis rerum (Migne, p.b. 114, col. 945). О том же у Амалярия Симфозиуса. De ecclesiasticis officiis libri quartor (Migne, p.b. 105, col. 1115). Годы папства мученика Телесфора по Функу 125–135 (Ист. христ. ц. в рус. пер. проф. Гидулянова, стр. 580), по преосв. Сергию 128–139 (Полный месяцеслов Востока, т. II, стр. 690).

⁸ Постановления апостольские как памятник восходит к середине IV столетия. Проф. Прокошев определяет это время 358–362 гг. (Didascalia apostolorum и первые 6 книг апостольских постановлений. Томск, 1913 г., стр. 462). Они представляют собой интерполяцию неизвестным лицом источников более раннего происхождения. Первые 6 книг Постановлений составляют переработку Сирской дидакалии, памятника, относимого Функом ко 2 половине III века (Dil. Apost. Const. 51–53), а проф. Прокошевым — к концу первой или началу второй четверти III века (Didascalia apostol., стр.488). Первые главы VII книги содержат памятник конца I века «Учение двенадцати апостолов». Во второй половине V книги и в VIII книге составитель постановлений, по мнению проф. Карабинова, «интерполировал... уже готовый и задолго до него существовавший сборник канонико-литургического содержания, образовавшийся как приложение к «Учению двенадцати апостолов» (Евхаристическая молитва, стр. 54). Вторая половина VII книги, где находится великое славословие, известное в церкви при папе Телесфоре, очевидно, относится к этому времени, а VIII книга — к середине III века. Так можно судить потому, что памятнику известны христианские аскеты, но он не упоминает еще о монахах. Кроме того, он уделяет большое внимание вопросу порядка отпуска из молитвенных собраний оглашенных, составлявших здесь 4 разряда, каковое деление на разряды имело место около середины III столетия.

Самое раннее уставное изложение утрени дается в «Завещании Господа нашего Иисуса Христа». Время происхождения этого памятника точно неизвестно. Данные же его содержания дают основание относить его появление к середине II века. Так, в памятнике заметно отражаются эсхатологические чаяния этого времени, сближающие его с этой стороны с «пастырцем» Ерма. Догматические мысли этого памятника близки догматствованию св. Игнатия Богоносца. Кроме того, «Завещание» определяет продолжительность великого поста только двумя днями, в то время как памятник III века, сирская дидакалия, уже в 6 дней. Наконец, «Завещание» упоминает о даре языков как еще существующем в церкви, между тем об этом даре св. Ириной Лионский, умерший в 202 году, упоминает как о наблюдаемом им в прошлом. (**Против ересей. V.6**).

В «Завещании» имеется 3 вида утрени. Первая из них, совершаемая епископом, очевидно, была отправляема с особой торжественностью в воскресные дни. Вторую памятник называет «Collaudatio quotidiana», т.е. всedневым славословием и поручает совершение ее пресвитерам в церквях в «предписанное время». Третья называется в памятнике как «утреня вдовиц, пользующихся председательством в собраниях».

Рассмотрим первый вид утрени. (**Кн. I, гл.26-28**). Она состоит из двух частей. Первая носит название «предрасветного славословия» (Laudatio auroraе), а вторая — «конечного славословия» (Collaudatio finalis).

«На первой заре, — говорит памятник, — епископ собирает народ, дабы совершить службы до восхода солнца. Пред первым прославлением на заре он со стоящими близ него пресвитерами, диаконами и другими клириками и мирянами возглашал: «Слава Господу». На этот начальный возглас народ отвечал краткой фразой: «Достойно и праведно есть». Епископ читал вслух утренний гимн: «Достойно и праведно есть, да Тя хвалим и возносим и Тебе исповедуемся, Боже вездесущий, Им же вся быша. Души наше горе простирая, возносим к Тебе, Господи, утреннее хваление: премудрый, крепкий и многомилосердный Боже, поручителю и покрове душ наших. Тя хвалим, о Слове, рожденный от Отца прежде век, Иже един со святыми Твоими почиваеши, прославляемый хвалами ангелов. О творче, Иже не руками быв сотворен! О объявителю невидимых священств чистых и непорочных! Ты еси явивый нам знак сокровенного таинства премудрости и обещающий нам бессмертный свет. Тебе славу воссылаем раби Твои в чистой святине, Господи». Народ после этого славословия пел: «Тя хвалим, Тя благословим, Тя превозносим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш».

Епископ продолжал дальше: «Боже, Отче света, начало жизни, подателю познания, богатство красоты, создателю душ, виновниче прекрасного, подателю святаго Духа, сокровище мудрости, делателю благих вещей, Господи, наставниче в святине, Иже по мысли Твоей миром обладай и Иже того держай чистыми словесы. Тя хвалим, Сыне Единородный, перворожденный и Слово Отчее, Иже всю славу Твою нам показавшего, Его же нарицаем помощника и Отца Твоего родителя. Ты, Иже имаши сущность неведомую, Иже ни тление, ни моль не истребляют, Ты, Иже тем, елицы всем сердцем на Тя уповают, уделяяй щедро, яже ангели зрети желают. Ты, Иже страж еси вечного света, и сокровищ нетленных. Ты, Иже мрак нас одержавший, хотением Отца Твоего просветивый, Иже из пропасти к свету нас возведый и от смерти жизнь нам даровавший, из рабства к свободе приведый. Ты, иже крестом породивый нас Отцу Твоему, евангелием Твоим к высоте небесней нас возведый, и пророки Твоими нас в нем уверивый. Ты, Иже Тобою водворивый нас в дому Отца света. Дай, Господи, нам, да Тя хвалим Бога нашего, да всегда достойно непрестанные Тебе хвалы воссылаем, мы рабы Твои, Господи». Народ опять пел: «Тя хвалим, Тя благодарим, Тя превозносим и молим Ти ся, Боже наш».

Епископ опять продолжал: «Третицею возносим Ти хваление сие от уст наших во образ царствия Твоего, Сыне Бозий, Иже выше небес, Иже над всеми со Отцем, Его же всемирная тварь восхваляет, и в страхе пред Духом Твоим трепещет, Его же вся природа ужасается и содрагается и Его же всякая праведная душа благословляет, к Нему же мы вси прибегаем. Ты иже непогоду, бури и ветры нам укрощаяй, иже содела нам пристанище упокоения и прибежище от истления, в Нем же надежду здравия вечного полагаем. Ты Иже морями и волнениями обуреваемым тихую погоду устраояй, Иже в болезнях смиряяй и туне исцеляяй, Иже в темницах содержимым сопребываяй, Иже нас от петли смерти свободивый, утешителю страждущих, мучимый и тех, иже в горькой работе и на кресте себя истощают. Ты, Иже всякое острие от нас отводяй, Иже коварство сатаны от нас отражаяй, Иже всякое заблуждение прогоняяй от надеющихся на Тя. Ты, Его же таинственно величают пророцы и

апостолы, хвалим и мы, Господи, и Тебе славословие возносим, да Тобою наученные пребудем всегда упокояемыми Твоим благословением. Даруй и нам, Господи, да сугубы будем в исполнении повелений Твоих. Всех нас в милосердии посети — малых и великих, императора и народ его, пастыря и овец его — ибо Ты, Господи, еси Бог наш и благословенно и хвально царство Твое, Отца, Сына и Святого Духа, прежде веков и ныне и всегда и в роды родов и во веки бесконечных веков».

Народ заканчивал славословие словом «аминь». После этого пелись псалмы и 4 библейских песни, из которых одна из Моисея, одна из Соломона и две из пророков. Какие именно псалмы и песни исполнялись, памятник не указывает, но он отмечает здесь многообразие самого певческого исполнения. Здесь был и детский хор, и ансамбли мужские и женские. «Поют дети, две девы, три диакона и три пресвитера», — говорится в памятнике. По исполнении псалмов и библейских песен епископ или пресвитер опять возносил какое-то славословие, которое заканчивалось словами: «Благодать Господа нашего со всеми вами», на что народ отвечал: «И со духом Твоим». Этим заканчивалась первая предрассветная часть утрени.

За первой частью непосредственно следовала вторая, которая, очевидно, совершалась в то время, как брезжил свет и восходило солнце. Предстоятель говорил: «Еще восхвалим Господа нашего», на что народ отвечал краткой фразой: «Достойно и праведно». Предстоятель призывал присутствующих к новой молитве: «Горе да будут сердца наши». Народ отвечал: «Имамы ко Господу». Вслед за этими возгласиями предстоятель читал новое славословие: «Господи Отче, светоподателю, творче всякого блага и всех духов, запечатыватель вечного света и управитель жизни, создатель радости и бессмертия, Иже нас, во мраке вещественном ходящих, озаривый светом невещественным, Иже клятву непослушания разрешивый и нас верою, яже от Тебе есть, увенчавый. Ты, Иже не отступая от рабов Твоих, по выну в них являйся. Ты, Иже не пренебрегший со тщанием страха ради Твоего Тя молящих, Иже провидяй размышления прежде неже быти им, и помыслы испытуяй, яже не явлена суть; Иже щедроты даруяй прежде неже просим Тя, да даруеши их; Ты, Ему же благоприятное внимати сим, елицы Тебе душою несомненно служат. Царю первородных светов и воинств небесных, слышай славословящих архангелов и в тех почиваяй. Господи, услыши нас, Тя молим, и даруй, да душою уповающей и гласом непрестанным Тя хвалим, Тя величаем, Тебе славословие воссылаем, да Тобою храними и светом направляеми ми, раби Твои, Тя, Господи, непрестанно прославляем». Народ пел: «Тя хвалим, Тя благословим, Тя превозносим и молим Ти ся, Боже наш».

Предстоятель снова произносил славословие: «Господи Иисусе, услыши нас. Святе, подаваяй глас немым, лишенным языка, утверждаяй расслабленных, просвещаяй слепых, свободителю заключенных, очистителю прокаженных, исцелителю болящих естеством, покорителю смерти, разрушителю преисподней, излучителю света, светильниче неугасимый, солнце, Иже не ведает захождения или омрачения, но присно светит во святых Твоих, Иже вся уготовляет красотой и добротою; Ты еси основание порядка и пропорции, Ты еси над всеми мелькающее украшение поестня, Ты искупитель людей и виновник возвращения душ, Ты о всех пекися, да едино будут; Ты творче ангелов, украсителю пребывающих в одиночестве; Ты, Совет Отца, Иже предведением и мудростию мира учредил и утвердил. Ты превычным Твоим Отцом к нам ниспосланный, Ты, Душе непостижимый и необъяснимый, Его же познахом, объявителю невидимых, хвален еси и чудно имя Твое, тем же и мы, раби Твои, Тя хвалим». Народ опять пел: «Тя хвалим, Тя благословим, Тя превозносим и молим Ти ся, Боже наш».

Предстоятель читал третье славословие: «Третицею приносим сие Тебе восхваление, Господи света, яко дал еси нам веру в Тя нерушиму, да ею ограждаеми разрушим узы смерти. Ты Иже верующим в Тя соделываяй души непорочны, да божественными будут; Иже нас приведый, да Духом утвержденные во всемогуществе станем против грядущего на нас и не оскверним ненарушимого. Творче соделавый, да имамы содружество Отцу Твоему Твоим промышлением. Услыши, Господи, нас, рабов Твоих. Ты, Его же мы непрестанно молим, Иже нашему молению даруеши силу противостояти грядущему на нас; Ты, Его же во всякое время просим о еже одолети непотребное. Услыши нас, Царю Небесный, утеши разлученных, связанных поддержки, над возбудимыми, иже обуреваются нечистыми духи, смилостивись и от тех очисти; и всех нас сохрани, яко Ты еси Бог наш, и благословися и прославися царство Твое». Народ отвечал: «Аминь». После этого славословия дополнялась еще какая-то молитва, затем полагалось чтение пророков и

«другие», очевидно, апостольские. Затем пресвитер или диакон читал евангелие. Что это была за молитва, которая предшествовала чтением священных книг, мы не знаем. Латинское название ее «oratio» соответствует греческому «probench». Интересно, что и вышеприведенное великое славословие из VII книги Постановлений апостольский в большинстве памятников надписывается как «probench ewzinh» (**Lagarde. Constitutiones apostolorum. Lipsiae, 1862, p.229. Примечание**). Не имеет ли его в виду в данном случае «Завещание»? Если это так, тогда мы имеем здесь тот порядок, который сохранился до настоящего времени в конце утрени великой субботы, где после великого славословия полагается чтение паримии, апостола и евангелия.

После чтения евангелия полагалось поучение, затем произносилась молитва. Памятник не приводит в данном случае самого текста молитвы, но говорит, что эта молитва совершалась *deinseps*. Сам по себе этот термин указывает на какую-то последовательность в самих молениях. По-видимому, это моление представляло собой прототип наших ектений. В самом «Завещании» имеется такое моление под названием «*Proclamatio diaconi*». Вот оно:

«Встанем! Пусть каждый знает свое место. Оглашенные, удалитесь. Смотрите, да никто нечистый, да никто нерадивый. Горе очи сердец наших:

Ангели смотрят.

Смотрите, иже не уверен, да удалится.

Единодушно помолимся.

Иже не прелюбодей, иже не во гневе;

Аще кто раб греха да удалится;

Смотрите, якоже сыны света помолимся.

Помолимся Господу, Богу и Спасителю нашему Иисусу Христу».

Затем, когда епископ или пресвитер начинал молиться, народ преклонял колена. Диакон говорил: «О мире, иже с небес есть, помолимся, да Господь своим милосердием умирит нас.

О вере нашей помолимся, да даст нам Господь, даже до конца, веру, яже в него, сохранити истинною.

О согласии и единомыслии помолимся, да Господь сохранит нас в духе единомыслия.

О терпении помолимся, да Господь во всяких мучениях даже до конца пробавит терпение.

Об апостолах помолимся, да дарует нам Господь угодити ему, да и они сами благоуветливы будут, и достойны нас соделает быти наследники их.

О святых пророках помолимся, да Господь и нас сопричислит к ним.

О святых исповедниках помолимся, да Господь Бог дарует нам мысли их иже беша при скончании жития их.

О епископе помолимся, да Господь наш того долговечным в вере сохранит, да право пробывая (*timprens geste*) слово истины, сохранит церковь в чистоте и без порока.

О пресвитерах помолимся, да не отымет Господь от них духа пресвитерства и да тем тщание и благочестие даже до конца пробавит.

О диаконах помолимся, да Господь тех укрепит путем совершенным ходити, совершати святыню и самим пещися о деле и благодати.

О пресвитерицах (*presbyteris feminis*) помолимся, да Господь услышит моления их и совершенно во славу духа сохранит сердца их и поможет делу их.

О иподиаконах, чтецах и диакониссах помолимся, да сподобит их Господь пряти за терпение мздовоздаяние.

О всегда верных помолимся, да дарует им Господь сохранити веру совершенну.

Об оглашенных помолимся, яко да дарует им Господь, да достойни будут бани оставления и освятит их печатию освящения.

Об империи помолимся, да дарует ей Господь мир.

О властех помолимся, да дарует им Господь разумение и страх свой.

О всем мире помолимся, да Господь им усмотряет, приближаясь по единому к тем, иже к Нему обращаются.

О плавающих и путешествующих помолимся, да Господь управит их правотою милосердия.

О переносящих гонение помолимся, да дарует им Господь терпение и мудрость и соделает труд их совершенным.

О усопших, иже отыдоша от церкви, помолимся, да Господь дарует им упокоения.

О падших помолимся, да Господь не помянет их неразумие и да охладит гнев свой на них.

О нас же всех, иже нуждаемся в молитвах, помолимся, да Господь покрывает и сохранит нас в духе упокоения.

Просим и молим Господа, да примет прошения наша».

По исполнении диаконом этих прошений епископ давал знак рукой, и диакон говорил: «Встанем во святом Духе, да ныне мудрости исполнишесь, возрастим во славу Его, с Его именем прославимся, и на основании апостольском созидаемии просяще помолимся Господу да благоуветливо примет (annuens suscipiat) моления наша». (Кн. I, гл.35).

В пользу того, что это моление произносилось в конце утрени, говорят в обоих случаях, т.е. в рассматриваемом чине утрени и в самом Proclamatio diaconi, указания на выход молящихся после этой молитвы из храма. Сначала выходили оглашенные, а затем покидали храм и верные, если далее не совершалась евхаристия.

Здесь уместно напомнить ту часть донесения Плиния императору Траяну об утреннем богослужении вифинских христиан, где он писал, что христиане, расходясь со своего молитвенного собрания, «обязывали себя клятвой (sacramento se obstringere) не на злодеяние какое-нибудь, но чтобы не совершать ни воровства, ни разбоя, ни прелюбодеяния, не нарушать верности, не отказываться от залога». (Вестник древней истории Ак. наук СССР, 1946, 2, стр.254. (Приложение)). Не имел ли он в виду тех возгласов, которыми диакон начинал последнее утреннее моление: «Да никто нечестивый, да никто нерадивый... , иже не прелюбодей, иже не во гневе, аще кто раб греха да удалится». В глазах язычника, не наблюдавшего лично за совершением христианского богослужения, а лишь слышавшего разговоры о нем, эти возгласы могли иметь значение «священных клятв».

Итак, чин утрени был двухсоставен. Первая, предрассветная часть его состояла из трехчастного славословия, читаемого предстоятелем и сопровождаемого пением от народа краткого песнопения: «Тя хвалим, Тя благословим, Тя превозносим и молим Ти ся, Боже наш». После этого пелись псалмы и четыре библейских песни. Вторая часть состояла также из трехчастного славословия предстоятеля, сопровождаемого также пением «Тя хвалим, Тя благословим...», затем полагалась молитва, по-видимому, это было великое славословие; далее читались священные книги: пророческие, очевидно, также и апостольские, а за ними евангелие. Затем следовало поучение и моление — прототип нашей великой ектении — и совершался отпуст.

О ежедневной утрени памятник говорит, что ее «говорят пресвитеры в церкви сами по себе в предписанное время», однако из самого изложения чина видно, что при совершении присутствовал и народ; очевидно, свободный и имевший возможность посещать в эти часы молитвенное собрание. Чин начинался возгласом священнослужителя: «Благодать Господа нашего со всеми вами», на что народ отвечал: «И со духом Твоим». Священнослужитель возглашал: «Восхвалите Господа». Народ ему отвечал: «Достойно и праведно есть». Предстоятель читал вслух утреннее славословие: «Тя, Отче нетленный, свободитель душ наших, поручитель благомыслия, хранитель сердец наших, Тя, освятившего сердца наши и разгнавшего мрак души нашей через познание Тебя; Тя, ветхого человека, преданного обманом, крестом Единородного Твоего паки к нетлению восставившего; Тя, заблуждения разгнавшего и повелениями твоими человека к бессмертию приведшего и заблудившегося возвратившего, мы, раби и народ, хвалим». Народ пел: «Тя хвалим, Тя благословим, Тя превозносим и молим Ти ся, Боже наш».

Предстоятель читал вторую часть славословия: «Хвалим Тя, Господи, его же непрестанно славословят немолчные восхваления архангелов, песни славящих, псалмопения господств; хвалим Тя, Господи, пославшего Совета Твоего, Слово Твое, мудрость Твою, исполнение решений Твоих, иже прежде век бе с Тобою, Слово несотворенное от несотворенного, иже на конец времен воплотися и соделася к освобождению человека; Сына Твоего возлюбленного, Иисуса Христа, иже нас свободи от ига рабского. Сего ради и мы, раби Твои, Господи, по обычаю с народом Тя хвалим». Народ пел во второй раз: ««Тя хвалим, Тя благословим...»».

Предстоятель читал третью, последнюю часть славословия: «Третицею приносим Ти, Господи, восхваление от сердец наших, подателю жизни, иже посещай души нищих и не пренебрегай духа сокрушенных, помощниче гонимых, заступниче в море обуреваемых, свободителю притесняемых, попечителю об алчущих, защитниче неправедно влекомых, друже верных, родственниче святым, жилище чистым, приятелище призывающим Тя во истине, покрове вдовствующим, свободителю

связанных, давая должное управление церкви Твоей и уставивший в ней погребальный агаты, служения, сожительства верных, общения Духа, дары благодати и добродетели; хвалим Тя непрестанно во всякое время в сердцах наших; изобрази в нас подобие царства Твоего с Тобой и с Сыном Твоим возлюбленным Иисусом Христом, Им же Тебе слава и поклонение с Духом святым во веки веков, аминь». Народ отвечал: «Аминь». (Кн. I, гл.32).

Памятник не указывает, пелись ли здесь псалмы и библейские песни; не упоминает он и о той утренней молитве, в которой можно видеть великое славословие, а также и о диаконских возглашениях, и только замечает условно о чтении Священного писания: «Если же кто читает пророческие слова, тот будет иметь награду». Однако трудно допустить, чтобы вся утренняя состояла из одной пресвитерской молитвы, занимающей для ее чтения 2-3 минуты. Скорее можно полагать, что самая запись этой молитвы в «Завещании» появилась не из соображений уставного порядка, а как опыт закрепления молитвенных импровизаций, какие имели место в I веке. Псалмы же и библейские песни, будучи уже зафиксированы письменно, этого не требовали. Поэтому памятник в данном случае о них не умалчивает. В пользу этого соображения говорит и тот факт, что в рассмотренном выше чине утрени, в то время как предстоятельные славословия оказываются зафиксированными, о пении псалмов и библейских песен сделано лишь краткое указание. Конечно, ежедневная утренняя не ограничивалась одним предстоятельским славословием, но имела в своем составе какие-то псалмы и библейские песни, как и воскресная. В ней могли быть необязательными чтения из священного писания. Кроме того, здесь, очевидно, не было того многообразия певческого исполнительства, какое имело место на воскресной утрени.

Третий вид утрени в «Завещании» предназначается для вдовиц «пользующихся предстательством в собраниях». (Как видно из «Завещания», в клире той церкви, откуда происходит этот документ, были женщины-клирики, принимавшие хиротонию от епископа и занимавшие место в иерархической лестнице ниже диаконов и выше иподиаконов, чтецов и диаконисс. Возможно, что этот институт остался в ранней церкви от тех вдовиц, которые были еще при ветхозаветном иерусалимском храме и об одной из которых, Анне Пророчице, говорит евангелист Лука в связи с принесением Божией Матерью сорокадневного Младенца Христа в храм (II: 36-38). Вдовицы, как и диакониссы, участвовали в совершении богослужения (за исключением периода менструаций, когда они не должны были приступать к алтарю). Некоторые из вдовиц имели право предстательства в молитвенных собраниях, быть может, женских или собственно вдовьих. В диаконской ектении в этом же памятнике они называются пресвитерицами. Вопрос о вдовицах или пресвитерицах в науке не разработан за отсутствием к тому достаточных данных. Кроме «Завещания» пресвитерицы упоминаются еще во II правиле Лаодикийского собора (ок.364 г.), отменяющим хиротонию в эту степень.) Здесь, как и во вседневной утрени, дана только одна молитва: «Тя, Боже вечный, управитель душ наших, создатель света, источник жизни, Ему же сладость славословящих и мольбы святых, любящих милосердие, милостивый, благоуветливый Царю всех и Господи Боже наш, величит душа моя. Приими к Тебе обращенный голос рабы Твоей, Господи, которая молит Тя, да даруеши рабе Твоей дух совета, благочестия и правой мысли. Величаю Тя, Господи, удалившего от нашей скудости всякое треволение, непостоянство, гнев, всякий раздор и лукавые обычаи. Ты еси изменчивый образ мыслей моих, да Тебе единому Боже послужу, учредившему в церкви святой различные служения. Ты отжени от рабы Твоей всякое искушение, страх, малодушие и исправи помыслы, дабы они были угодны Тебе. Тя величаю, Господи, светом Твоего познания просветившего мя через Единородного Твоего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого Тебе слава, держава во веки веков, аминь». Если вдовица совершала свою утреню не одна, а с другими вдовицами, то они вместе с ней произносили «аминь». Вполне возможно, что на этой утрени пелись еще псалмы и великое славословие. Сама же утренняя вдовиц имела значение келейного правила и совершалась ими у себя на дому.

Наличие в «Завещании» нескольких разновидностей утрени и указание на совершение ее не только в общецерковном молитвенном собрании, но и отдельными членами церкви (пресвитерами, вдовицами) говорит о том, что в это время, т.е. в середине II века, утренняя являлась общецерковной службой.

Основная идея утреннего богослужения, было ли оно общецерковным или келейным, заключалась в прославлении Сына Божия как Солнца Правды и Света Незаходимого, а Бога Отца

как светодателя, ниспославшего на землю Своего Единородного Сына. В утренних молитвах Христос проставляется как «страж вечного света... , хотением Отца просветивый... , и из пропасти к свету нас возведый», как «излучатель света, светильник неугасимый, солнце, иже не ведает захождения или омрачения, но присно светит во святых своих», а Бог Отец как «светоподатель... , запечатыватель вечного света, озаривый нас светом невестественным... , царь первородных светов».

Интересно, что сами славословия этих утреней оказываются в непосредственной связи с теми славословиями, которые записаны апостолом Иоанном Богословом в его Апокалипсисе, представляя собою развитие и перифраз последних. В этом нетрудно убедиться, если мы сопоставим ряд славословий «Завещания» со славословиями Апокалипсиса. Так, начальные слова *Laudatio aurorae* «Достоин и праведно есть, да Тя хвалим и возносим и Тебе исповедаемся, Боже вездесущий, Им же вся быша» представляют собой перифраз 2 стиха 4 главы Апокалипсиса: «Достоин Ты, Господи, принять славу, и честь, и силу, ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено». В словах того же *Laudatio aurorae* «Ты, Иже крестом породивый нас Отцу Твоему», а также в словах *Collaudatio finalis* «Ты, искупителю людей и виновник возвращения душ Иже о всех пекийся, да едино будут», а равно в словах *Collaudatio quotidiana* «Тя, ветхого человека, преданного обманом, крестом Единородного Твоего паки к нетлению восставившего» отражаются мысли апокалипсического приветствия семи церквам: «Благодать вам и мир от Того, Который есть и был и грядет от семи духов, находящихся пред престолом Его, и от Иисуса Христа, Который есть свидетель верный, первенец из мертвых и владыка царей земных. ЕМУ, ВОЗЛЮБИВШЕМУ НАС И ОМЫВШЕМУ НАС ОТ ГРЕХОВ НАШИХ КРОВИЮ СВОЕЮ... (I: 4-5), а также слова гимна 24 старцев: «достоин Ты взять книгу и снять с нее печати; ибо Ты был заклан и кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени» (V: 9). В словах *Laudatio aurorae* «Возносим Ти хваление сие от уст наших во образ Царствия Твоего, Сыне Божий, Иже выше небес, Иже над всеми со Отцем, Его же всемирная тварь восхваляет и в страже пред духом Твоим трепещет, Его же вся природа ужасается и содрагается, и Его же всякая природа ужасается и содрагается (ПРОВЕРИТЬ ПО ПЕРВОИСТОЧНИКУ!!!), и Его же всякая праведная душа благословляет, к нему же вси припадаем» откликаются апокалипсические слова: «убойтесь Бога и воздайте ему славу...» (XIV: 7), «Велики и чудны пути Твои, Господи, Боже Вседержитель. Праведны и истинны пути Твои, Царь святых. Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? Все народы придут и поклонятся пред Тобою» (XV: 3,4). Слова *Collaudatio quotidiana* «Изобрази в нас подобие царства Твоего с Тобою и с Сыном Твоим возлюбленным Иисусом Христом» представляют собой перифраз 10 стиха 12 главы: «Ныне настало спасение и силы и царство Бога нашего и власть Христа Его». В словах *Collaudatio finalis* «Царю первородных светов и воинств небесных, Иже слышай славословящих архангелов и в тех почивай», а также в словах: «Хвалим Тя, Господи, Его же непрестанно славословят немолчные хваления архангелов, песни славящих, псалмопения господствующих» отражаются апокалипсические славословия из 8 стиха 4 главы: «И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей, и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: Свят, свят, свят Господь Бог, Вседержитель, Который был, есть и грядет», а также 11-12 стихов 7 главы: «И все ангелы стояли вокруг престола и старцев и четырех животных, и пали пред престолом на лица свои и поклонились Богу, говоря: Аминь. Благословение и слава, и премудрость и благодарение, и честь и сила и крепость Богу нашему во веки веков. Аминь». Наконец, замечу, что в числе библейских песен утрени «Завещания» первое место занимает песнь Моисея. В Апокалипсисе «победившие зверя и образ его и начертание его и число имени его» также «поют песнь Моисея, раба Божия» (XV: 2,3).

Эти параллели между утреней «Завещания» и Апокалипсисом свидетельствуют о том, что не только самая идея утреннего богослужения «Завещания», но и отдельные славословия этого памятника создавались под непосредственным влиянием апокалипсических славословий и, таким образом, находятся в генетической связи с богослужением апостольского времени.

Утренняя Постановлений апостольских

В VIII книге Постановлений апостольских, как сказано было выше, по времени своего происхождения относящейся к середине III столетия, по поводу утреннего богослужения говорится: «После того, как скажут утренний псалом и отпустит он (т.е. епископ — Н.У.) оглашенных и

обуреваемых и крещаемых и кающихся и делает подобающее возглашение, — чтобы опять не сказать нам того же, — после «Спаси их, Боже, и восстави в благодати Твоей» пусть присовокупляет: «Просим от Господа милостей Его и щедрот, утра сего и дне мирна и безгрешна и всего времени пришествия нашего, ангела иже на мир, христианских концев, милостива и милостивна Бога. Сами себе и друг друга Живому богу Единородным Его предадим». И епископ, молясь, пусть говорит: «Боже духов и всякия плоти, несравнимый и вседовольный, Иже давший солнце во область дне, луну же и звезды во область ноши. Сам и ныне призри на ны милостивыми очесы и приими утренняя наша благодарения и помилуй ны; не бо прострохом руки наши к Богу чуждому, не бо есть в нас Бог нов, но Ты, вечный и бесконечный. Иже еже быти нам Христом подавший и еже благо быти Им даровавший, сам и жизни вечная сподоби нас Им, с Ним же Тебе слава и честь и почитание, и святому Духу во веки. Аминь». И диакон пусть говорит: «Преклонитесь к руковозложению». И епископ пусть молится, говоря: «Боже верный и истинный, творяй милость в тысящах и тьмах любящим Тя, друже смиренных и нищих предстателю в немже вся работна тебе. Призри на люди Твоя сия, преклоняша Тебе главы своя, и благослови я благословением духовным, сохрани я яко зеницу ока, соблюди я в благочестии и правде и сподоби я жизни вечная о Христе Иисусе, возлюбленном Отроке Твоем, с Нимже Тебе слава, честь и почитание, и святому Духу и ныне и присно и во веки веком. Аминь». И диакон пусть говорит: «Изыдите в мире» (Гл. 37-39).

По поводу этой записи утреннего богослужения проф. Скабаллонович говорит, что «невероятно, чтобы за целой вечерней или утренней не пелось ни одной песни христианского составления, если такие песни уже во II веке (по Плинию) и даже в апостольском веке составляли главное содержание богослужения... Маловероятно и то, чтобы на целой службе пелся один только псалом, как и то, чтобы не ней не было чтений священного писания и поучения» (Толк. тип., вып.2, стр.149). С мнением проф. Скабаллоновича нельзя не согласиться. В самом деле, те же Постановления апостольские в VII книге приводят полный текст великого славословия в ранней его редакции. Спрашивается, зачем оно было здесь помещено с надписью «утренняя молитва», если оно не употреблялось на утрене? Поэтому правильнее будет смотреть на утреню Постановлений апостольских как только на часть утреннего богослужения, точнее сказать, на конец его.

По-видимому, сама эта запись была вызвана необходимостью урегулирования вопроса чтения в конце утрени молитв об оглашенных и верных. Середина III столетия представляет собой как раз то время, когда институт оглашенных достигает своего наивысшего развития. «Около начала этого века, — пишет проф. Алмазов, — главная задача церкви предыдущей эпохи — распространение вонне — если не была совсем покончена, то, по крайней мере, в значительной степени была уже выполнена, а посторонние и внутренние обстоятельства церкви заставили все силы обратить на устройство своей внутренней организации. В чем же состояла эта организация? Говоря прямо, эта организация состояла в том, что все оглашенные при своем приготовлении к крещению были разделены на известные классы. Такое деление вызывалось самим составом общества оглашенных. Будучи обширно по своему количеству, оно состояло из людей различных между собой по возрасту, по способностям, по своему образованию, по времени поступления и по усердию к изучению и к усвоению преподаваемых им истин. Иначе говоря, в числе оглашенных были малолетние, взрослые и старики, люди ученые и простые, необразованные и т.п. Все это, естественно, делало необходимым для большего успеха и правильного ведения дела, разделять оглашенных на известные классы или разряды, более или менее различные между собой и обнимающие разряды людей только известного рода» (История чинопоследования крещения и миропомазания. Казань, 1884 г., стр. 76-77).

Эта сложная организационная работа внутри церкви по институту оглашенных не могла не затронуть самое богослужение, к участию в котором, за исключением таинства евхаристии, допускались оглашенные. Короче говоря, нужно было урегулировать время пребывания за той же утреней различных разрядов оглашенных, чтение молитв о них церковью и порядок отпуска их из храма. Эта задача и разрешается в VIII книге Постановлений апостольских. Поэтому-то здесь нет указаний ни на произношение утренних славословий, ни на пение библейских песен и псалмов и великого славословия. Равным образом ничего не говорится о чтении Священного Писания, так как имеется в виду, что все эти элементы богослужения достаточно стабилизировались. Упоминание же об утреннем псалме, очевидно, имеет в виду уточнение того времени, с какого следовало начинать отпуст оглашенных.

Что утреня Постановлений апостольских конструктивно была близка утрене «Завещания», — за это говорят в обоих случаях моления об оглашенных и верных в конце утрени. Да и самое «подобное возглагование», о котором говорится в Постановлениях апостольских, есть не что иное как Proclamatio diaconi «Завещания». Оно, как и Proclamatio, начинается призывом к молитве, в данном случае: «Елицы вернии, преклоним колена. Помолимся Богу Христом его, вси согласно Богу Христом его помолимся». Далее идет порядок прошений приблизительно такой же, как и в Proclamatio, а именно: «О мире и благосостоянии мира и святых церквей помолимся, яко да даст нам Бог всяческих непреставаемый и неотъемлемый мир Свой, да в полноте яже по благочестию добродетели продолжающия ны соблюдет. О святей соборней и апостольстей церкви, яже от конец до конец, помолимся, яко да сохранит ю Господь непоколебиму и неволнуему и соблюдет до скончания века основану на камени. И о зде сущей святей области помолимся, яко да сподобит нас Господь всячески неослабно преследовати пренебесное его упование и непрестаемый воздавати ему долг моления. О всяком епископстве еже под небесем, правоправящих слово твоея истины, помолимся, и о епископе нашем Клименте и областех его помолимся, о епископе нашем Евдии и областех его помолимся, яко да дарует их щедрот Бог святым своим церквам здравы, честны, долгоденствующия, и подаст им честную старость во благочестии и правде. И о пресвитерах наших помолимся, яко да свободит их Господь от всякаго безместного и лукавого дела и подаст им пресвитерство здраво и честно. О всем во Христе диаконстве и служении помолимся, яко да подаст им Господь служение непорочное. О чтецех, певцех, девственницах, вдовицех же и сирых помолимся, о еже в супружествах и чадородиих помолимся, яко да помилует всех их Господь. О евнухах, преподобно ходящих, помолимся. О иже в воздержании и благоговении помолимся. О плодоносящих во святей церкви и творящих нищим милостыни помолимся, и о приносящих жертвы и начатки Господу Богу нашему помолимся, яко да воздаст им всеблагий Бог небесными своими дары и даст им в нынешнем сторицею, в будущем же живот вечный, и дарует им вместо временных вечныя, вместо земных небесныя. О новопросвещенных братиях наших помолимся, яко да утвердит их Господь и укрепит. О иже в немощи страждущих братиях наших помолимся, яко да свободит их Господь от всякия болезни и всякия язвы и восставит их святей своей церкви здравы. О плавающих и путешествующих помолимся. О иже в рудах и заточениях и в темницах и узах сущих имене ради Господня помолимся. О иже в горькой работе труждающихся помолимся. О вразех и ненавидящих нас помолимся, о гонящих нас имене ради Господня помолимся, яко да, укротив яростное их, рассеет Господь иже на ны гнев их. О вне сущих и заблудших помолимся, яко да обратит их Господь. Младенцев церкви помянем, яко да Господь, свершив их в страхе своем, приведет в меру возраста. Друг о друге помолимся, яко да соблюдет и сохранит нас Господь благодатию своею в конец и свободит нас от лукаваго и от всех соблазнов делающих беззаконие, и упасет в пренебесное Царствие Свое. О всякой душе христианстей помолимся». Наконец, «подобное возглагование», как Proclamatio diaconi, заканчивалось преданием себя, т.е. молящихся, воле Божией. В данном случае: «Спаси и восстави нас, Боже, милостию Твоею. Восстанем. Помолившеся прилежно, сами себе и друг друга живому Богу крестом Его предадим» (Гл. 10).

Новым в утрене Постановлений апостольских, сравнительно с утреней «Завещания», был отдельный отпуст для четырех разрядов оглашенных с произнесением особого диаконского моления о них, послужившего основой для будущих ектений об оглашенных и просвещаемых, и чтение епископом особых молитв о них, которые выслушивались тем или иным разрядом главопреклоненно (Они полностью приводятся в чине литургии в той же VIII книге Постановлений апостольских, гл. 6-9). Кроме того, «подобное возглагование», сравнительно с Proclamatio diaconi, дополнилось еще несколькими прошениями, послужившими основой для будущей просительной ектении, и двумя молитвами, из коих первая («Боже духов и всякая плоти...») имела значение молитвы отпуста верных, а вторая («Боже верный и истинный...») была собственно молитвой руковожложения.

Таким образом, появление нескольких разрядов оглашенных, и, в связи с этим, введение особых молитв о них, а также появление особых молитв отпуста верных и руковожложения, послужили поводом автору VIII книги Постановлений апостольских к записи неполного чина утрени, а вернее, конца ее. Отсюда, говоря о развитии христианской утрени в III веке, можно сказать, что чин этот в данное время, сохраняя общий строй, сложившийся во II веке, усложнился в смысле порядка

отпуста оглашенных, в связи с чем появился ряд особых молитв для каждого разряда оглашенных, а также особые молитвы отпуста и руковозложения верных.

Иерусалимская утренняя в IV веке

Об утреннем богослужении IV века мы имеем весьма ценные сведения из описания иерусалимского богослужения западной паломницей Сильвией Аквитанкой. Она пишет: «Ежедневно, до пения петухов, открываются все двери Воскресения и сходят все монашествующие и ... как зовут их здесь. И не только они но кроме них и миряне, мужи и жены, имеющие желание поборствовать ранее. И с этого часа вплоть до рассвета поются песни и стихословятся псалмы, также и антифоны, и после каждой песни читается молитва. Ибо по два или три пресвитера, также и диакона, ежедневно чередуются с монашествующими, и после каждой песни и антифона читают молитвы. Когда же наступает рассвет, тогда начинают петь утренние песни. А затем приходит епископ с клиром и тотчас входят в пещеру и там, внутри преграды, прежде всего читает молитву за всех и поминает имена тех, кого желает, и затем благословляет оглашенных. Потом читает молитву и благословляет верных. И после этого, при выходе епископа из-за преграды, все подходят к его руке, и он, при выходе, благословляет каждого поодиночке, затем бывает отпуст, уже при свете» (**Прав. пал. сб. вып.2, стр.140**). Так описывает Сильвия ежедневное утреннее богослужение Иерусалимского храма св.Воскресения.

Кроме ежедневного богослужения Сильвия описывает еще воскресную утреню, которую она наблюдала в том же храме Воскресения: «На седьмой же день, т.е. в воскресенье, до пения петухов, собирается все множество народа, какое может быть в этом месте, как бы в пасху, и собирается в базилике, находящейся позади Воскресения, однако вне его, где ради этого висят лампы. И, опасаясь не придти туда к пению петухов, приходят ранее его и сидят там. И поются песни, так же как и антифоны, а после каждой песни и антифона произносятся молитвы. Ибо и пресвитеры и диаконы всегда готовы в этом месте на бдение ради собирающегося множества. Существует такой обычай, что до пения петухов святые места не открываются. А как только пропоет первый петух, тотчас сходит епископ и входит внутрь пещеры в Воскресении. Открываются все двери, и весь народ входит в Воскресение: там уже горят бесчисленные лампы и, как только воздет народ, кто-либо из пресвитеров поет псалом, и все отвечают; затем произносится молитва. После этого поет псалом кто-либо из диаконов, и подобным же образом произносится молитва; поется и третий псалом кем-либо из клириков, произносится третья молитва и совершается поминовение всех. После пения этих трех псалмов и произнесения трех молитв в пещеру Воскресения вносятся кадила, так что вся базилика Воскресения наполняется благоуханием. И тогда епископ становится за преграду, берет евангелие и, подойдя к дверям, сам епископ читает о Воскресении Господнем. И когда начинается это чтение, все поднимают такой крик и стон, проливается столько слез, что даже самый бесчувственный человек не может не быть тронут до слез, припоминая, что Господь претерпел за нас столько страданий. По прочтении евангелия епископ выходит и сопровождается при пении песней к Кресту, и весь народ идет с ним. Там снова поется один псалом и произносится молитва. После этого он благословляет верных, и бывает отпуст. Когда епископ выходит, то все подходят к его руке. Затем епископ удаляется в свой дом. С этого же часа все монашествующие возвращаются в Воскресение и поются псалмы и антифоны до рассвета; и после каждого псалма и антифона произносится молитва, потому что ежедневно по очереди пресвитеры и диаконы бодрствуют в Воскресении с народом из мирян, как мужей, так и жен. Кто хочет бодрствовать до рассвета, остается на месте, кто не хочет — возвращается к себе домой и подкрепляется сном (**Прав. пал. сб. вып.2, стр.141-143**).

Иерусалимская утренняя IV века, подобно утрене «Завещания», состояла из двух частей. Двухчастность ее отмечает Сильвия, когда говорит: «...вплоть до рассвета поются песни и стихословятся псалмы, также и антифоны, и после каждой песни читается молитва... Когда же наступает рассвет, тогда начинают петь утренние песни». Эта двухчастность соблюдалась здесь как на всенедельном богослужении, так и на воскресном. Сильвия различает здесь одну часть, которая совершалась епископом «как только пропоет первый петух», от другой, отправлявшейся здесь до рассвета после того, как епископ уходил домой («...епископ удаляется в свой дом. С этого же часа... поются псалмы и антифоны до рассвета»). этой стороны иерусалимская утренняя IV века оказывается

близкой к утрени «Завещания». Сближает иерусалимскую утрению IV века с утрени «Завещания» и то, что в обоих случаях поются псалмы и песни, а в конце утрени читаются молитвы и совершается отпуст оглашенных и затем верных.

Имеется общее между утренним богослужением «Завещания» и иерусалимским IV века и в том, что обоим им свойственны различные виды утрени: более торжественные для воскресного дня и менее торжественные для седмичных дней.

Вместе с тем иерусалимская утрени IV века имела и свои особенности, которых не наблюдается в утрени «Завещания».

Первую такую особенность составляло начало воскресной утрени не в храме, а вне его, в прилежавшей к храму базилике. Эта базилика была построена равноапостольным Константином для того, чтобы богомольцы, приходящие к богослужению, когда еще двери храма закрыты, не оставались под открытым небом, но могли бы, находясь в помещении, проводить время в молитве и псалмопении. Как видно из описания Сильвии, под воскресные дни, когда собиралось много народу, пение предрассветных псалмов и песней начиналось в этой базилике, тогда как двери самого храма оставались закрытыми до пения первых петухов.

Вторую особенность иерусалимской утрени составлял приход в храм епископа много позднее после начала богослужения. Если по «Завещанию» и по VII книге Постановлений апостольских сам епископ собирал народ к утрени, то в Иерусалиме он приходил в храм тогда, когда здесь уже была пропета известная часть псалмов и утренних песен. Эта особенность также объясняется местными условиями церковной жизни храма Вознесения. Последний, как место, где находились величайшие христианские святыни — крест и гроб Господень — был полон богомольцами едва ли не круглые сутки. По словам Сильвии, богомольцы собирались сюда к утрени до пения петухов, а под воскресные дни, опасаясь не попасть в храм к утрени, приходили с вечера в таком множестве, «какое может быть в этом месте в пасху». Если так обстояло дело с наполнением храма ночью, то что же было в нем днем? Постоянное наполнение его народом вызвало, как видно из описания Сильвии, появление при нем, наряду с епископским клиром, монашествующих, которые, совместно с чередующимися пресвитерами и диаконами, занимали народ молитвой до начала богослужения и по окончании его. Но если пресвитеры, диаконы и прочие клирики имели возможность смены, то у епископа, как у главы церкви, этой смены не было. Присутствовать в храме от начала каждой суточной службы до конца ее было равносильным почти круглосуточному пребыванию в храме, делом почти непосильным, тем более, если учесть замечание Сильвии, что такое богослужение совершалось ежедневно. Епископу оставалось одно: или отсутствовать вовсе на отдельных службах, или приходить к ним с известным опозданием, давая себе отдых в то время, когда клирики отправляли некоторую часть чинопоследований. Первое было едва ли удобно. В самом деле, ограничиться участием лишь в вечерне и утрени и отсутствовать на службах в 6 и 9 часов, посвященных крестным страданиям и смерти Христа, службах, совершавшихся на месте этих страданий, иерусалимский епископ не мог. Для него оставался единственный выход: выражаясь языком церковного устава, «покая ради малого» не являться в храм к началу богослужения, а приходить туда с опозданием с тем, чтобы прослушать лишь часть антифонов, прочитать евангелие, когда оно полагалось, и преподать молящимся благословение. Самый приход епископа в храм, естественно, носил торжественный характер и усложнял собой общий строй богослужения.

Третью особенность иерусалимской утрени составляло чередование в ней псалмов и печен с пресвитерскими молитвами и трипсалмный строй службы. На утрени «Завещания» трехчастная епископская молитва полагалась в самом начале службы и в начале второй части ее. Относительно же чередования псалмов и библейских песен с молитвами памятник ничего не говорит. Сильвия, наоборот, указывает, что и на вседневной, и на воскресной утрени как в присутствии епископа, так и в его отсутствие, псалмы и песни чередовались с молитвами. «Поются песни и стихословятся псалмы, также и антифоны, и после каждой песни читается молитва. Ибо по два или по три пресвитера, также и диакона ежедневно чередуются с монашествующими, и после каждой песни и антифона читают молитвы», — говорит она о ежедневной утрени. «И поются песни так же как и антифоны, а после каждой песни и антифона произносятся молитвы. Ибо и пресвитеры, и диаконы всегда готовы в этом месте на бдение», — сообщает она о воскресной службе. «Поются псалмы и антифоны до рассвета, и после каждого псалма и антифона произносится молитва, потому что ежедневно по очереди пресвитеры и диаконы бодрствуют в Воскресении с народом из мирян», —

говорит она о той части воскресной утрени, которая продолжалась в храме по уходе из него епископа.

Кроме того, описывая воскресную утреню, Сильвия сообщает, что псалмы этой службы, чередуемые с молитвами, имели трехпсалмный строй. «Кто-либо из пресвитеров, — пишет она, — поет псалом, и все отвечают; затем произносится молитва. После этого поет псалом кто-либо из диаконов и подобным же образом произносится молитва; поется и третий псалом кем-либо из клириков, произносится третья молитва». Замечу, что трехпсалмный строй, упоминаемый в данном случае Сильвией, в IV веке был широко распространен на Востоке. О нем упоминает еще до Сильвии Афанасий Великий в трактате «О девстве» (**Минь, патр.гр.28, стр.276**), а современник Сильвии преп. Кассиан Римлянин говорит, что часовые службы «в монастырях Палестины и Месопотамии и всего Востока определяются каждодневно тремя псалмами» (**Древне-иноческие уставы, стр.544**). Так же по поводу бдения он пишет, что сначала стоя пропевают они (монахи — Н.У.) три антифона, потом, сидя на земле или на низеньких стульцах, отвечают на три псалма по подсказыванию одного (канонаршески)» (**Там же, стр.552**).

Пятую особенность иерусалимской воскресной утрени составляло чтение на ней евангелия не в конце службы, как это указывает «Завещание», а в предрассветной части ее. Из-за этого епископ на воскресной утрени приходил в храм не с наступлением рассвета, как это делал он ежедневно, а с пением первых петухов. Это перенесение чтения евангелия с конца утрени на первую часть ее объясняется тем обстоятельством, что самое событие воскресения Христова, о котором повествуется в воскресном евангелии, совершилось до рассвета. В Иерусалиме, где находился гроб воскресшего Спасителя, благовестие об этом великом событии приличествовало совершать именно в это время. По этим же соображениям и самое чтение евангелия здесь совершалось «за преградой», т.е. в пещере св.гроба.

Шестую особенность иерусалимской воскресной утрени составляло пение после чтения епископом евангелия песней и какого-то псалма. На утрени «Завещания» таковых после чтения евангелия не полагалось.

Седьмую особенность иерусалимского богослужения составляло чтение на нем молитв об оглашенных без разделения их на разряды. Если VIII книга Постановлений апостольских устанавливает порядок отпуска оглашенных с особыми для каждого разряда молитвами, то в Иерусалиме епископ читал одну общую для всех оглашенных молитву. В данном случае иерусалимское богослужение отстает назад в сторону более ранних порядков. Это обстоятельство, очевидно, также было вызвано местными условиями церковной жизни Иерусалима и храма Воскресения. Иерусалимский храм Воскресения, освященный в 335 году, с первых дней своего существования получил значение не приходской церкви, а общехристианской святыни. Более того, начавшееся с этого времени из всех христианских стран паломничество ко Гробу Господню определило своеобразный состав богомольцев: греки, арабы, евреи, копты, римляне, галлы, грузины, армяне и сыны других народностей были членами единой христианской церкви, принадлежа к категории верных. В самом деле, нужно было прежде проникнуться духом новой веры и креститься, чтобы предпринять далекое, многотрудное и небезопасное путешествие ко гробу Того, чье учение было избрано в качестве жизненного идеала. Поэтому, естественно, контингент оглашенных среди богомольцев храма составлял незначительное количество. Наконец, сама многонациональность оглашенных служила к объединению их в одну общую категорию, устраняющую существующее в приходских общинах деление их на разряды. Едва ли возможно было произносить диаконские прошения и вычитывать епископские молитвы, особые для каждого разряда, при постоянном потоке богомольцев, да еще говорящих на разных языках. Поэтому-то здесь мы не видим отдельных молитв для каждого разряда оглашенных.

Сильвия не называет точно ни одного псалма, песни или молитвы, какие исполнялись в ее время на утрени в Иерусалиме. Однако это обстоятельство не означает того, чтобы иерусалимское богослужение IV века не имело определенного состава их. Описав круг суточных служб храма св.Воскресения, Сильвия говорит: «Особенно выдающимся между всем другим совершающимся является то, что псалмы и антифоны всегда поются подходящие, как те, которые поются ночью, так, напротив, и те, которые утром, затем и поемые днем, в шестой и девятый часы и привечерне, всегда так подходящи и осмысленны, что относятся к тому, что совершается» (**Прав. пал. сб. 20 вып., стр.139-141**). В другом месте она пишет: «Приятнее всего и наиболее примечательно здесь то, что

всегда как песни, так и антифоны и чтения, а также и молитвы, произносимые епископом, читаются так, что всегда оказываются приспособленными и подходящими ко дню, который празднуется, и к месту, где совершается служба» (**Там же, стр.171**). По этому поводу проф. А.А.Дмитриевский писал: «Святогробский чин богослужения в общих чертах выработывался на пространстве первых трех веков существования церкви Христовой в Иерусалиме. Сильвия Аквитанка в конце IV века застала этот чин уже более или менее в сформированном и сложившемся виде, благодаря чему он и производил на паломников своей стройностью, приноровленностью и величием — неотразимое впечатление» (**Древн. патр. тип., стр.68**).

Безусловно, в состав иерусалимской утрени IV века входили библейские песни, о широком употреблении которых христианами в этом веке есть ряд свидетельств. Так, например, о песне трех отроков упоминает Афанасий Великий в сочинении «О девстве» (**Минь, Гр.Патр., т.28, стр.276**), а Златоуст говорит, что «песни друзей Даниила поются в восторге духа по всей вселенной» (**Арх.Филарет. Историч. обзор песнописцев, стр.41**). Очевидно, пелись на иерусалимской утрени непорочны, о которых преп. Кассиан Римлянин говорит, что они на утреннем богослужении поются каждый день (**Др. иноч. уставы, стр.547**). Пелись и хвалитные псалмы, о которых тот же преп. Кассиан говорит, что они в Палестине входят в состав утрени (**Там же, стр.550**). Безусловно, входили в состав иерусалимской утрени 50 и 62 псалмы («Боже, Боже мой, к тебе утреннюю»), пение которых широко распространено было в это время в церкви. О пении обоих этих псалмов указывает св.Афанасий в сочинении «О девстве» (**Минь, Гр.Патр., т.28, стр.276**). О 62 псалме как утреннем упоминает преп. Кассиан (**Др. иноч. уставы, стр.547**), а интерполятор Постановлений апостольских внес его с таким же значением в V книгу их (гл.59). По поводу 50 псалма Василий Великий говорит, что христиане, «проведя ночь в разнообразном псалмопении, прерываемом молитвами, на рассвете уже дня все сообща как бы едиными устами и единым сердцем возносят к Господу псалом исповедания» (**Письмо к неокессарийским клирикам**). Быть может, его имеет в виду Сильвия, когда говорит о пении одного псалма после чтения евангелия. Возможно, что те крики, стон и слезы, которые проливались во время чтения евангелия при воспоминании о том, «что Господь претерпел за нас столько страданий», и послужили поводом к введению в чине утрени покаянного псалма. Не случайно в последующей истории утрени этот псалом, как правило, оказывается спутником утреннего евангелия.

Исполнялось в Иерусалиме и великое славословие, известное в это время всей христианской церкви настолько, что, например, св. Афанасий Великий советовал петь его утром и на домашней молитве (**Минь, Гр.Патр., т.28, стр.276. О девстве**).

Резюмируя обзор истории православной христианской утрени за первые четыре столетия ее существования, нужно сказать, что чин утрени, сохраняя положенную в основу его христианами апостольского времени идею прославления Господа Иисуса Христа как света миру и Солнца правды и соблюдая связанную с этой идеей и священными событиями новозаветной истории двухчастность, к концу IV столетия достиг определенной слаженности как в конструктивном отношении, так и в части состава псалма, священных песен и молитв. Матерь всех церквей христианских, церковь Иерусалимская, в данной области имела ведущее значение, так что ее местные богослужебные особенности позднее стали общехристианскими обрядами. Так, приход иерусалимского епископа в храм, когда там уже совершалось богослужение, положил начало входам, совершаемым до настоящего времени на вечерне и литургии (малый вход), а триста лет тому назад совершавшимся и на утрени. Обычай же иерусалимской церкви начинать утрению не в храме, а в прилегающей к нему базилике, двери из которой в храм были закрытыми, создал традицию, в силу которой до сего времени пасхальная утрениа начинается в притворе храма при закрыты дверях, ведущих в храм.

Песенная утрениа по описанию бл. Симеона, архиепископа Солунского

Следующее после описания Сильвии сообщение об утреннем богослужении относится к VII столетию. Это описание Иоанном Мосхом утрени, которую наблюдал он и его спутник, впоследствии патриарх, Софроний, совершаемую аввой Нилом Синайским: «Внегда же свершихом вечерняя, — пишет он, — предложи нам трапезу и по вечераи начахом правила и поеже реши 50 псалом и Отче наш, послание, начат глаголати старец Господи помилуй до пятидесяти и седшим нас прочте един от ученик его соборное послание Иаковле. И восставше паки начахом пети второе

статие 50 псалом, и по совершении 50 псалма, даст другому брату и прочте в той же книге первое соборное послание и восставше начахом пети третие статие 50 псалма и совершивше 150 псалмов и рекше Отче наш и Господи помилуй и седохом и дасть ми старец книгу и прочтох соборное послание Иоанново и вставше начахо такожде тихо пети песни Моисееви без тропарей и ни на третьей песни ни на шестой сотвори междопесние по Отче наш и Господи помилуй, рекше же и Хвалите Господа без тропарей и начат глаголати слава в вышних Богу, верую во единого Бога, и тако Отче наш и Господи помилуй, приложи убо старец и се глаголя. Сыне и Слове Божий, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас и помози и спасу душу нашу и рекшим нам аминь седохом» **(Никон Черногорец. Пандекты, сл.29).**

В утрени аввы Нила имеются песнопения, общие с рассмотренной ранее, а именно песни Моисеевы, Хвалите Господа с небес и Слава в вышних Богу. Однако назвать утреню аввы Нила результатом непосредственного развития той, которая известна из «Завещания» и из описания Сильвии, нельзя. В самом деле, если в этих памятниках существеннейшей чертой богослужения является широкое использование в нем пения, то в утрени аввы Нила место пения занимает чтение. Здесь прочитывалась вся псалтирь, разделенная на 3 статьи, и за каждой такой статьей полагалось еще чтение одного из посланий апостольских. Даже песни Моисеевы, и те пелись, как заметили Иоанн и Софроний, «тихо... без тропарей». Между 3 и 6 песнями опять же не было никакого вставного песнопения («междопесние»), но только читалось Отче наш и Господи помилуй. Также исполнялись и хвалитные псалмы. Великое же славословие, видимо, читал сам авва Нил. Наряду со сплошным чтением, молитвы, которые в Иерусалиме читали между псалмами иереи, на синайской утрени отсутствовали. Как видно из дальнейшего сообщения Иоанна и Софрония, эти особенности утрени аввы Нила были настолько отличительными от общепринятого в церкви чина, что это обстоятельство послужило им поводом к обвинению старца в отступлении от общецерковных порядков. «Почто, авва, не храните чин соборный и апостольския церкви? — спросили они по этому поводу старца. — ...с нощи на вечерни святяга недели ни на Господи воззвах тропаря нет, ни на Свете тихий, ни на Сподоби Господи, ниже на каноне Бог Господь, ни на стихопсаломстей седальни воскресни, ни на месни святых триех строк тропаря. Но ниже на евангелии всяко дыхание. Ни на славословии воскресения Спасова, еже хвалим?...» **(Никон Черногорец. Пандекты, сл.29).**

Иоанн и Софроний были правы в том смысле, что отправляемая аввой Нилом утреня существенным образом отличалась от общепринятого в церкви чина. Ввиду сказанного, было бы неправильно ставить утреню аввы Нила в генетическую связь с той же иерусалимской утреней. Утреня аввы Нила иного происхождения; это отметил сам подвижник, сказав своим собеседникам: «Пение бо и тропари о них же реклы есте, истину вам глаголю, и нежду, нетолько ползуют иночествующих, елико вредят, сия бо не суть иноческих, но мирских человек и украшение и слава соборная церкви, пения бо ради и людие в церкви собираются. Нам же иночествующим подобно есть не высочайший путь, но худший и преклонение коленом и слезам источники, и еще же посты и бдения и низолегание и смирение с трудом и всяческими удержанмы и своя немощи чувствование» **(Там же).**

В дальнейшем я еще вернусь к утрени аввы Нила, а в настоящий момент обращусь к рассмотрению памятника, хотя и более позднего, но излагающего утреню, в общих чертах близкую к иерусалимской времен Сильвии. Это — описание утрени, принадлежащее перу блаженного Симеона Солунского (+1429 или 1430 г.), о которой он сам говорит, как о «переданной издревле от отцов» и «изначала совершавшейся во всех вселенских церквах песенно», так что на ней «ничего не произносилось как только нараспев, за исключением лишь только иерейских молитв и диаконских прошений» **(Минь. Патр. гр., т.155, стр.624).**

Привожу это единственное в литургической литературе полное и обстоятельное описание древней утрени с пропуском лишь комментариев блаж. Симеона символического характера: «Закрываются царские двери божественнейшего храма... и становится священник пред дверьми... благословляет Бога... , говоря: «Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа». И тотчас присоединяет все «мирная» и «Заступи, спаси, помилуй». И певец тотчас поет часть имеющего быть петым псалма... : «И спях, слава Тебе, Боже». И после того, как священник скажет «Пресвятую, пречистую...» и «Яко подобает тебе всякая слава...», песенно (певчески — *meta melonz*) говорит певец: «Уснув и спях, слава Тебе, Боже». И таким образом начав псалом «Господи, что ся умножиша», совершает его по стихам (постишно) весь с прочими псалмами, причем тот и другой

хор говорит: «Слава Тебе, Боже». Говорятся же вместе три псалма во образ и в честь всесвятых Троицы, именно — самый «Господи, что ся умножиша...», «Боже, Боже мой, к тебе утреннюю...» и «Се благословите Господа...». На этих трех (псалмах) в праздники поются и троичны, т.е. «Слава Тебе, Отче, слава Тебе, Сыне, слава Тебе, Святой Душе» и подобные. В простые же дни и в воскресенья, кроме воскресений отцов и праотцов, только «Слава Тебе, Боже», потом «Слава» и опять «Слава Тебе, Боже», «И ныне» — тоже и опять «дополнительная» (слава? — kai pebisshn aujiz) высоким гласом тоже. И священник: «Пресвятую» и возглас. И тотчас певец: «Непорочнии в путь, аллилуиа», «Блажени непорочнии в путь» и прочее стиха и аллилуиа. И таким образом опять обоими хорами стихи с «аллилуиа» для исполнения всего первого стояния (thz prwthz staaewz olhz pleromenhz). Потом «Слава и Ныне» и «дополнительная», «Аллилуиа». И священник опять малую ектению. Певец: «Вразуми мя, Господи». Священник: «Пресвятую, пречистую» и возглас. И певец: «Руце твои сотвористе мя и создасте мя» и остальное псалма с припевом: «Вразуми мя, Господи». И остальные стихи (поются) обоими хорами с «Вразуми мя, Господи», «Слава и ныне» и «дополнительная» тоже: «Вразуми мя, Господи». Потом опять священник малую ектению. Певец: «Вселенную, аллилуиа». Священник: «Пресвятую» и возглас. Певец: «Призри на мя и помилуй мя, аллилуиа». И тотчас отворяет одну половину дверей... Итак, стихи говорят обоими хорами до «Да въздет моление мое пред Тя, Господи». Тогда же... отворяются двери священником. И велегласно поется так называемое входное с Аллилуиа, между тем как все входят... в предшествии священника, держащего крест... В крест же водружены (втравлены) и три свечи... И тотчас по входе преклоняет священник главу, принося благодарение Господу. Если же присутствует и архиерей, то и он преклоняет главу вместе со священником, и говорят молитву входа. И благословляет архиерей, говоря: «Благословен вход святых Твоих, Господи». Итак, один архиерей входит в великую дверь в предшествии ему священника и диакона... Прочие же входят боковыми дверями или все позади... и поют оба хора, стоя в середине церкви, оставшееся псалма... «Да будет рука Твоя — говорит спасти мя», и «Да живет душа моя и да восхвалит Тя», и «Умилосердися яко о овце погибшей, възщи раба Твоего». Потом «Слава и Ныне», и опять велегласно поется Аллилуиа... тотчас (затем) «Благословите все дея Господни Господа, пойте и превозносите его во веки», — поется же пением красным (украшенным — meta asmatoz emmelouz). Когда сие поется, восходят, причем священник держит крест... к олтарю, последуемые всеми... И архиерей восходит на самый престол... — под престолом же разумею стасидию. Крест же водружается на амвон насупротив олтаря. И поется красно (emmelouz) велегласно вся песнь святых трех отроков с «Благословите...» и «Благословим Отца и Сына и Св.Духа, Господа, и ныне, и присно». И наконец «дополнительная», «Хвалим, благословим, поем и поклоняемся Господеви» ... и тотчас славословим вину воплощения слова — Богоматерь, говоря: «Тя неборимую стену, спасения забрало» (osugwma).

Должно знать, что во время пения трех первых псалмов (в притворе — Н.У.) священник возносит к Богу утренние молитвы. Потом, когда начнут «непорочен», он берет кадило и, положив фимиам (ладан) и благословив, а если присутствует архиерей то сей благословляет фимиам, — начинает (кадить) от правой стороны нартекса, где находится на стене святая икона архангела, и кадит кругом нартекс по столпам (peri touz emeliouz), и по стенам, а стоящие у стен отступают и опять становятся. И возвратившись туда, откуда начал, творит образ креста кадилом, говоря: «Премудрость, прости» — одна свеча предносится пред ним в одни (только) праздники и в нартексе зажигаются малые и немногие свечи. Певец же, приглашая его (священника), возглашает: «Благословен еси, Господи», ибо обычно, чтобы этот стих был при конце каждения. И священник говорит тихим гласом: «Премудрость, прости» и тотчас идет кадить архиерея и затем остальных всех. Потом, вошедши чрез боковую дверь в храм, в молчании кадит весь его, а он (Храм) остается затворенным, как сказано. И вошед в олтарь и покадив там и положив кадило, берет честный крест, который стоит позади священного престола, и никто не предшествует ему и нет (предносимых) свечей, но только один он или диакон. И вышед (из храма) другою боковую дверь и преклоняя главу пред архиереем, несет и ставит крест на правой стороне (нартекса) близ великих дверей божественного храма, где он стоит до окончания псалмов. Тогда возжигается в нем три свечи и отворяются двери и бывает торжественный вход... Когда (в чине утрени — Н.У.) предложено будет чтение, и преимущественно из Синаксаря (Пролога), возвещающее (подвиги) пострадавших за Христа и историю наступающего праздника или дела праведно скончавшихся для Христа... , опять

бывает ектеня и «Помилуй мя, Боже», с приличным припевом, что называется пятидесятным (to penthcoztarion).

Пятидесятное же (так) называется потому, что псалом пятьдесятый... Итак, пятидесятное подобающим образом (ammodioz) говорится на этом псалме (en toutw), по стиху на обоих хорах, (а) отпустительное или дня или праздника или святого. И в господские праздники «Слава, и Ныне» праздника, а в простые дни — дня. И на «Не отвержи мене от лица Твоего» (поется) — «Предстательство христиан». На «Славу» — «Единородный» и на «Ныне» — «Преславную», и тотчас каноны (ei canopez) праздника или святого, которые приложили мы для благоуукрашения и для благоустроения церкви, в славу Божию и святых Его. И поются на восемь, если два(святые); на шесть, если великий святой; на четыре, если нет празднуемого (святого)... Прежде каноны не пелись на песенной (утрене), но после пятидесятого псалма и после ектении тотчас говорились «Хвалите». Ныне же после канонів говорятся експастиларии. Потом малая ектеня. И тотчас «Хвалите»... Певец первого хора: «Хвалите Господа с небес, Тебе подобает песнь Богу», и другой в другой стих то же самое; и говорят подобным образом и другие шесть стихов... , а на «Хвалите Господа от земли» — «Дайте славу Богу» и на остальные шесть стихов. А на «Вознесения имя его» — «Тому подобает хвала» и следующие. На «Восхвалят имя его» — «Слава Тебе, Святыи Отче», и на другой (стих) (т.е.) на «Возвышения Божии» — «Сыне Божий, помилуй нас» и (еще другой стих (т.е.) на «Связати цари их узами» — «Пощади нас, Господи, ради Духа святого» ... На «Хвалите Бога во святых Его» — «Сыне Божий, помилуй нас». И на прочие подобным образом. На «Хвалите Его в кимвалах доброгласных» — «Слава Тебе, показавшему свет» и на прочие после него. Потом «Благословен Господь, Бог Израилев, яко несети и сотвори избавление людем своим». И это говорят на всех стихах... На «Славу» — «Благословен Господь Иисус царь, яко посети» и прочее велегласно. На «И ныне» — тоже. И потом «дополнительную», «Матерь Бога восхвалим вси, еюже получихом прегрешений прощение...». И тотчас на амвоне чтец, берущий в руки крест (lambanwn toi dtaupon taiz serbi) и стоящий на амвоне (возглашает): «Слава в вышних Богу» и присовокупляет от певцов великое славословие. Это бывает ежедневно. В воскресение же говорятся «Хвалите» во глас с припевами. И наконец воскресные стихири или праздника или великого святого, если есть память его, «Слава» утренняя, на которой вход священников в крестом и божественным евангелием... Возвышается евангелие... и говорится «Премудрость, прости»... и поется на «И ныне и присно» — «Преблагословенна еси». Когда священники войдут внутрь (олтаря), сначала чтец на амвоне, держа крест, говорит: «Слава в вышних Богу», потом певцы поют его песенно (asmaticwz). Потом священники в священном олтаре все вместе (сызнова) говорят, и от «В человецех благоволение» бывает согласное (общее славословие внутри и вне)... и тропарь воскресный: «Днесь спасения...» в одно воскресенье и «Воскрес из гроба» в другое трижды сладкогласно (hdumelouz) поется вне певцами и внутри священниками... тотчас поется: «Восстани, Господи...» и читается пресвитером на амвоне утреннее евангелие... и после того сугубая ектеня, великие прошения, главопреклонение и отпуст (**Голубинский. История русской церкви, т.1, 2 пол. стр.488-492**).

Итак, по блаж. Симеону, песенная утренняя начиналась в притворе. После возгласа иерея «Благословенно царство» следовала великая ектеня, затем певчески исполнялись подряд три псалма — 3, 69 и 133, во время пения которых иерей читал тайно утренние молитвы. После этого следовала малая ектеня и полагалось пение непорочных, разделенных на 3 статьи малыми ектениями. Иерей, к тому времени прочитавший утренние молитвы, брал кадило и совершал каждение висящих в притворе икон, затем, при пении стиха «Благословен еси Господи», он тихо говорил: «Премудрость, прости», делая крест кадилом, и далее кадил архиерея и молящихся и шел боковой дверью в храм и молча кадил его и алтарь. Здесь в алтаре, положив кадило, он брал запрестольный крест и выносил его другой боковой дверью в притвор, где ставил его справа близ центральных дверей, ведущих в храм. Когда начиналось пение 3 статьи «Призри на мя и помилуй мя», то иерей открывал одну половину главных дверей, ведущих в храм. В конце пения этой статьи непорочных перед крестом зажигались три свечи и при пении 170 стиха «Да внидет прошение мое пред Тя, Господи» открывалась вторая половина главных дверей храма, пелся входной стих с «аллилуиа», и священник брал крест в руки и входил через эти двери в храм. За ним следовали все присутствующие в притворе. Крест водружался на амвоне против святых врат. Иерей оставался среди храма и здесь доканчивалось пение непорочных, к которым затем непосредственно примыкала библейская песнь трех отроков, заканчиваемая тропарем в честь Божией Матери «Тя

необоримую стену». Далее полагалось чтение из синаксаря или жития святого, затем ектения, после чего исполнялся также певчески, постишно, с особыми припевами, 50 псалом. Затем следовало пение канона, о котором бл.Симеон говорит, что он сам его ввел и что до него на песенной утрене канона не пели, но после 50 псалма и ектении полагались хвалитные псалмы. При бл.Симеоне эти псалмы, таким образом, следовали за канонам, будучи предваряемы ектенией и ексапостиларием. Хвалитные псалмы (148, 149, 150) исполнялись также постишно, с особыми припевами к ним. К 150 псалму добавлялась песнь Захария, отца Предтечи — «Благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людям своим», причем сам этот стих прибавлялся к каждому последующему стиху песни. Заканчивалась песнь богородичным «Матерь Бога восхвалим вси...». На воскресной утрене, по-видимому, вместо песни Захарии, отца Предтечи, к хвалитным стихам прилагались стихиры, а в конце их «Преблагословенна еси...». Во всяком случае, перед пением ли богородична «Матерь Бога восхвалим» на вседневной утрене или «Преблагословенна еси...» на воскресной, священнослужители читали молитву входа и при возгласе «Премудрость, прости» входили в алтарь. Лик пел «Преблагословенна еси...». На воскресной утрене на входе несли евангелие. Затем чтец становился на амвон, брал стоявший там крест и запевал: «Слава в вышних Богу». Это же повторяли певцы песенно, а затем священнослужители в алтаре От сло в «в человецех благоволение» славословие исполнялось всеми присутствующими в церкви. К славословию в воскресенье прибавлялся тропарь «Днесь спасения...» или «Воскрес из гроба...», который также исполнялся трижды певцами и священниками, после чего исполнялся прокимен «Восстани, Господи», и иерей читал на амвоне утреннее евангелие. Утренняя заканчивалась сугубой ектенией и главопреклоненной молитвой.

Песенная утренняя, как ее излагает Симеон Солунский, имеет много общих черт с иерусалимской, описываемой Сильвией. Так, по бл.Симеону, утренняя начинается в притворе, где отправляется первое трипсалмие, и только на втором трипсалмии (непорочны) богослужение переносилось в храм. То же самое мы видим и в IV веке в Иерусалиме. «До пения петухов, — говорит Сильвия, — обирается все множество народа в базилике, находящейся возле Воскресения, однако вне его... и поются песни, также как и антифоны, и после каждой песни и антифона произносятся молитвы». Сама эта святогробская практика начала утрени вне храма Воскресения, обусловленная тем, что в иерусалимском храме, как говорит Сильвия, существовал «такой обычай, что до пения петухов святые места не открываются», позднее послужила основанием к отправлению начала утрени в притворе храма.

Далее блаж.Симеон говорит, что во время пения непорочных богослужение переносилось из притвора в храм. То же самое по существу сообщает и Сильвия, когда пишет, что с пением первых петухов «открываются все двери, и весь народ входит в Воскресение».

Наконец, описываемая бл.Симеоном утренняя оказывается сходной с иерусалимской в части порядка и способа исполнения псалмов. Бл.Симеон говорит, что утренние псалмы исполняются антифонно, по хорам, с участием domestика, с соответствующими припевами. И по Сильвии, на утрене «поются песни также как и антифоны...», причем «кто-либо из пресвитеров поет псалом, и все отвечают». Песенная утренняя, описываемая блаж.Симеоном, имеет трехпсаломный строй. Об этом же строе говорит и Сильвия: «Кто-либо из пресвитеров поет псалом, и все отвечают, затем произносится молитва. После этого поет псалом кто-либо из диаконов и, подобным же образом, произносится молитва. Поется и третий псалом кем-либо из клириков, произносится третья молитва».

Однако между описанием бл.Симеона и утреней, описываемой Сильвией, есть и разница. Она касается, прежде всего, времени чтения евангелия. По Сильвии, евангелие читалось до рассвета, после чего пели псалом (подразумеваем 50-й), а затем по уходе из храма епископа монахи с иереями и диаконами продолжали петь до рассвета псалмы и антифоны. По бл.Симеону, наоборот, евангелие читалось в самом конце утрени, когда уже были пропеты все песни и псалмы.

Очевидно, ко времени бл.Симеона евангельское чтение «сошло» со своего места и, оторвавшись от своего спутника (50 псалма), оказалось на самом конце утрени.

Замечу, что это перенесение евангельского чтения на конец утрени происходило постепенно. Святогробский типикон 1122 года, описывающий, как и Сильвия, иерусалимское богослужение, указывает читать воскресное евангелие после 6 песни канона (**Пападопуло-Керамевс-Аналекта, т. II, стр.11**). Эту же практику отмечает евхологион Париж, напр.библ. No.213-1027 г., где по этому

поводу говорится: «Должно знать, что эта молитва («Воссияй в сердцах наших...») в великой церкви не читается, но в прочих, в которых после 6 песни читается евангелие (**Дмитриевский. Евхология, стр.1058**). Само по себе это замечание свидетельствует о наличии в XI веке двух практик в части времени чтения евангелия.

Вторую особенность утрени, описываемой блаж.Симеоном Солунским, сравнительно с иерусалимской времен Сильвии, составляло отсутствие молитвы на первой ектении об оглашенных. В Иерусалиме в IV веке в конце утрени читалась молитва об оглашенных, после чего полагался отпуст их, отдельный от отпуста верных. Во время бл.Симеона на Востоке этой молитвы уже не читали; когда прекратили здесь ее чтение — неизвестно; известно лишь, что в XI веке эта молитва читалась в греческой церкви, в русской же она встречается в служебниках даже начала XVI столетия (**Красносельцев. К истории православного богослужения, стр.113-115**). Памятники, содержащие эту молитву, говорят о чтении ее следующее: «Совершившуся входу и исполненному Слава в вышних Богу, и Трисвятому, и прокимну, и совершившу диакону литийное (т.е. сугубую ектению — Н.У.) и другому приведшу оглашенных, иерей читает эту молитву...: «(?) Должно знать, что утренние оглашенные (т.е. молитвы о них — Н.У.) не бывает, если не поются двенадцать прокимнов. Поются же (прокимны — Н.У.) в неделю предшествующую мясопустной, в самую мясопустную и сырную, т.е. в три недели по вторникам, четвергам и субботам. Посему во вторники и четверги произносятся и «оглашенные», если нет литургии или праздника; в субботы же одни прокимны оглашенных, так как бывает литургия. Тогда (т.е. когда читается молитва об оглашенных — Н.У.) тотчас по входе — Слава в вышних Богу и Трисвятое и прокимен, бывает же и лития от диакона, т.е. великое Господи помилуй на прошениях ектении; и когда приведут оглашенных, диакон говорит: «Исполним утреннюю молитву...», и иерей молитву сию — Хвалим, поем... Благослови и ныне, Господи, рабы Твоя... Господи, Господи, твой есть день... и учинением Твоим, Господи, пребывает день...» (**Дмитриевский. Евхология, стр.1058**).

Что подразумевается здесь под 12 прокимнами, неизвестно. Во всяком случае, видно, что молитва об оглашенных в это время читалась уже не ежедневно, как это было в IV веке в Иерусалиме, а только по вторникам и четвергам на трех предшествующих великому посту седмицах (мытаря и фарисея, блудного сына и сырной) и то лишь при условии, если с этими днями не совпадал праздник и, следовательно, не было литургии. Все эти условности свидетельствуют о том, что чтение молитвы об оглашенных в данное время теряло свое прежнее значение, так как, очевидно, крещение взрослых в это время составляло редкое явление.

Памятники в данном случае приводят собственно не одну, а четыре молитвы. Первая из них — современная 12-ая утренняя молитва — служила молитвой отпуста утрени (см. об этом далее). Далее следовала собственно молитва об оглашенных. Вот она: «Благослови и ныне, Господи, рабы Твоя оглашаемые, их же призвал еси Твоею святынею к познанию чудесного света, и давай им познати, паче от словес наставитися вверению, яко дароватися исполнению Духа Святаго, во еже быти им овцами Твоего истинного стада, запечатленными печатию Святаго Твоего Духа, да будут члены честнаго тела Церкви твоей и сподобятся и в будущем веце блаженства истинной надежды в царстве небесном. Велегласно: Да и тии с нами...» (**Гоар, стр.45**).

Две следующие молитвы в памятниках надписываются как молитвы за верных. Вот первая из них:

«Господи, Господи, Твой есть день и Твоя есть ночь, Ты сотворил еси свет и солнце, Ты сотворил еси всяческая благолепная земли. Тя молим совозсияти свету дня щедрот Твоей милости на смирение наше; свободи нас от тьмы и сени смертныя и всякого навета и козни лукавого. Возглас: «Яко святится...» (**Там же**).

Вторая молитва о верных: «Учинением Твоим, Господи, пребывает день и Тя поют вся силы небесныя, и к Тебе приближается всякая душа по силе славословящая. Молим Тя, даруй нам день весь мирен совершити в части святых, в житии благоугодном, в сердце чистем. Да Твоих благодеяний насладившись, удостоимся в прочее время неосужденно благословити Твое Божество. Возглас: «Яко подобает Тебе всякая слава...» (**Там же**).

Памятники далее указывают чтение главопреклоненной молитвы: «Господи святыи, в вышних живый». Этой молитвой утрени заканчивалась.

Сведения о песенной утрени из древнейших патриарших типиконов иерусалимской и константинопольской церкви

Хотя бл.Симеон излагает песенную утрению как древнее исследование однако в самом этом последовании ко времени святителя солунского произошел ряд изменений. Так, если по Сильвии на иерусалимской утрени IV века псалмы чередовались с молитвами, то во время блаж.Симеона первые три псалма пелись подряд, даже без разделения их малыми ектениями. Бл.Симеон говорит, что молитвы этих антифонов иерей читал тайно во время пения самих псалмов.

Далее, по бл.Симеону, на песенной утрени полагалась одна библейская песнь трех отроков, тогда как еще «Завещание» указывало петь четыре песни.

Наконец, бл.Симеон говорит, что канон в современном его значении ввел в песенную утрению он сам лично.

Вместе с тем бл.Симеон не упоминает еще о некоторых существенных особенностях песенной утрени, о которых говорят другие памятники. Так, например, из упомянутого выше разговора аввы Нила Синайского с Иоанном Мосхом и Софронием видно, что в VII веке на воскресной утрени полагалось пение 117 псалма «Бог Господь» и что тогда это имело значение повсеместного явления в церкви (**Пандекты сл.29, л.208**). Уставы патриарших служб Великой Константинопольской церкви и Иерусалимского храма Воскресения указывают пение 117 псалма и в некоторые праздники. Так, устав Великой Константинопольской церкви (Патмосский список IX-X в.) указывает петь «Бог Господь» на песенной утрени в Рождество Христово (**Дмитриевский. Типика, т.1, стр.36**), а Святогробский типикон 1122 года указывает пение отдельных стихов из этого псалма в начале пасхальной утрени, сразу после стихов 67 псалма «Да воскреснет Бог» (**Дмитриевский. Богосл. стр. и пасх. седмиц во св.Иерусалиме, стр. 184-185**).

Я нашел в Лен.гос.публ.библиотеке 2 певческих сборника XVI века, где «Бог Господь» положено петь на воскресной утрени с особыми для каждого гласа октоиха припевами типа тех, которые присоединялись к стихам псалмов, исполнявшихся антифонно на песенных чинопоследованиях. В этих памятниках для 1 гласа указаны припевы: «Едине человеколюбче» и «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа»; для 3-го: «Подая мирови велию милость» и «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа»; для 5-го «Во славное Воскресение Твое» и «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа»; для 6-го: «Господи, слава Тебе» и «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа»; для 7-го: «Подая мирови велию милость» и «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа»; для 8-го гласа: «Животе и воскресение наше, слава Тебе» и «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа» (**Кир. No.577, л.307 об.-309; Кир. No.7, л.124-125 об.**). Эти стихи, очевидно, служили припевами к 117 псалму. Сам же этот псалом, вероятно, в отдельных случаях прилагался к первым трем псалмам утрени, о которых говорит бл.Симеон Солунский (3, 62 и 133 пс.), или заменял собою последний псалом из этого трехпсалмия.

Как видно из Патмосского списка устава Великой Константинопольской церкви, в некоторые праздники на утрени полагались еще особые антифоны. Так, по этому уставу, на праздник Рождества Христова указывается пение особых 18 антифонов, к которым прилагался тропарь: «Бог изначала по слову плотию родился от тебе, Богородице Дево, ангельским воинством на земли созерцаемь, поющим небесный гимн промыслителю яслей; с ними же и мы яко Матерь Бо жию величаем». Если же праздник Рождества Христова совпадал с воскресным днем, тогда к этим антифонам полагался другой тропарь: «Совечного Отцу изначала воплощающагося несказанно из Тебе, Богомати, лик ангельский свыше славословит и песньми на земли призывает страхом славить непостижимое таинство. Сего ради и мы спасаемые Твоими родами по долгу величаем» (**Дмитриевский. Типика, т.1, стр.36**).

Тот же устав указывает в праздник Успения Божией Матери петь 10 антифонов (**Там же, стр.105**), в воскресенье пятой недели великого поста — 8 антифонов (**Там же, стр.124**), а в первый день пасхи — 4 (**Там же, стр.135**), разумеется, не считая непорочных. По-видимому, эти антифоны представляли собой своего рода «избранные» псалмы, посвященные празднику. Они, очевидно, послужили началом для современных избранных псалмов, тропари же при этих антифонах явились прототипом величаний. Патмосский список устава обозначает эти антифоны как *antijwna... sun tou megalou* (**Там же, стр.36**), т.е. антифоны с величанием.

Праздничные антифоны не исключали собой пения непорочных. Непорочны составляли одно из торжественнейших песнопений песенной утрени, и, как видно из Патмосского списка,

отправлялись не только на воскресном богослужении, но и на праздничном и даже на утрене величайшего праздника — Воскресения Христова (**Там же, стр.135**). Симеон Солунский говорит, что, когда иерей, держа крест в руках, входил из притвора в храм, то полагалось пение «входного с аллилуиа». Патмосский список устава Великой Константинопольской церкви указывает для некоторых праздников такие «входные» тропари. Так, по нему, на пасхальной утрене и на утрене антипасхи полагался тропарь «Содрагающуюся основанию и раздирающейся завесе, иже во аде затворы и врата сокрушил еси, от сильного, яко владыка, души исхитил, от врат, яко овчата. От пагубы изведый жизнь нашу, Христе Боже, слава Тебе (**Дмитриевский. Типика, т.1, стр.135 и 140**). В неделю православия, в связи с воспоминавшейся в этот день памятью пророков Моисея и Аарона, полагался тропарь «Чтимое пророков Твоих торжество свыше собор устави и человеком ангели соликовствуют. Тех предстательства, Христе Боже, жизнь нашу в мире управи, да поем Ти аллилуиа» (**Там же, стр.116**).

Далее блаж.Симеон говорит, что пение непорочных заканчивалось «славословием Воскресшего и нас совоздвигшего», но что представляли собой эти славословия, он не поясняет. Святогробский типикон 1122 г. приводит ряд таких славословий, составленных применительно к тому или другому празднику. Так, например, в неделю Ваий, к непорочным прилагались следующие тропари:

«Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим, — Ангельский собор удивися, зря Тебе на жребяти седаща, дети же, приемше ваий ветви, Тебе осанна зываху, сыне Давидов, одежды свои расстилающе».

«Благословен еси Господи... Ангельский собор удивися, зря Тебе возшедша на жребя, ваиями и ветвми всеми прославляема, на херувимских колесницах носима, осанна сыну Давидову слышавша».

«Благословен еси Господи... Херувим, иже на раменах серафимов сидящий, яко содержащий всяческая, на жребя возшел еси, языки покоряя и неверных, Владыко, родителей, через верных детей прославляющих Тя».

«Благословен еси Господи... Зело рано мироносицы течаху...».

«Благословен еси Господи... Почто мира с милостивыми слезами...».

«Благословен еси Господи... Мироносицы жены с мираы пришедшия...».

«Слава... Поклонимся Отцу...».

«И ныне... Жизнодавца рождши, греха мира...» (**Дмитриевский. Богосл. страст. и пасх. седмиц во св.Иерус., стр.5-7**).

В великий четверг:

«Благословен еси Господи... Ангельский собор удивися, зря Тебе на Сионе и вперооне свечеряюща другом и омывающа нозе, ученика же спешаща предати Тя беззаконным и врагам на смерть».

«Благословен еси Господи... Ангельский собор удивися, зря Тебе учеником собеседующа, тело Твое в пищу тайно подающа, нозе же, Спасе, умывающа рабов Твоих и от друга проданна на смерть».

«Слава... Трисятельное единого Божества, благочестно поем, вопиюще: Свят еси, Отче, безначальный, собезначальный Сыне и божественный Душе, защити нас страстию Тебе служащих и чеснаго огня исхити». Богородичен. «Безначальная, и Сына Твоего, Госпоже, и Бога нашего непрестанно, Его же родила еси, моли Пречистая материнским Твоим предстательством одесную Его стояния получитьи нам в пищу вечныя наслаждения» (**Дмитриевский. Богосл. стаств. и пасх. седмиц во св.Иерус., стр.5-7**).

В великую субботу:

«Благословен еси Господи... Ангельский собор удивися, зря Тебе гробу преданна и плащаницею и смирною, яко мертвеца, повита, Его же Иосиф во гробе положи, вся дланию содержащего».

«Благословен еси Господи... Ангельский собор удивися, зря Тебе на земли опрятываема и плащаницею и смирною повита, бездыханна, во гробе погребяема, якоже странна Иосифова вышняго».

«Благословен еси Господи... Ангельский собор удивися, зря Тебе в мертвых вменишася, Адам же, ликуя со Евою, зываше: погибшее овча аз есмь, воззови мя, Сыне, и спаси мя».

«Слава: «Поклонимся Отцу...».

«И ныне: «Жизнодаваца родши...» (Там же, стр.163-165. Подобные тропари на великую субботу, Успение и Усекновение главы Предтечи даны в ркп Иерус. патр. библ. No.635/305, XVI в. Типика, III, стр.761-763.).

Относительно библейских песен блаж.Симеон Солунский говорит, что на песенной утрени исполнялось их две: песнь трех отроков, которая примыкала непосредственно к непорочным и предшествовала 50 псалму, и песнь Захарии, отца Предтечи, исполнявшаяся в конце утрени уже после 50 псалма, перед великим славословием. Судя по тому, что уже «Завещание» предписывает исполнение четырех песен, нужно полагать, что количество их могло быть в том или другом случае различно, и в разные дни или праздники исполнялись разные песни. Это подтверждает Патмосский список устава Великой Константинопольской церкви, где, например, в воскресенье пятой недели великого поста на утрени положены 1, 6 и 7-ая песни (Дмитриевский. Типика, т.1, стр.124), а в неделю Ваий только песнь трех отроков (Там же, стр.127). Следствием этой практики отправления различного количества песен канона в разные праздники, надо полагать, было сочинение канонов двупеснцев, трипеснцев и четверопеснцев.

Исполнялись библейские песни, как и псалмы, антифонно, и к каждому стиху добавлялся положенный для той или иной песни припев. Так называемая Лобковская псалтирь, памятник IX века, имеет при некоторых песнях надписания, которые, очевидно, имели значение таких припевов, а именно: при второй песне Моисеевой — «Слава Тебе, Боже»; при песне Анны, матери пророка Самуила — «Помилуй мя, Господи»; при песне пророка Аввакума — «Услыши мя, Господи»; при песне пророка Ионы — «Ущедри мя, Господи»; при песне трех роков — «Благословен еси Господи». Кроме того эта псалтирь в составе библейских песен содержит молитвы Езекии и Манасии с припевом к ним — «Очисти мя, Господи». Последнее обстоятельство говорит о том, что самый состав библейских песен, даже в IX веке, еще не стабилизировался, и в него входили песни, отсутствующие в современном составе их. Замечу, что в современной псалтири следованной в надписях при библейских песнях также имеются такие, которые могли иметь значение припевов, например, при первой песне — «Господеву поем, славно бо прославился»; при третьей — «Свят еси, Господи, и Тя поет дух мой»; при четвертой — «Слава силе Твоей, Господи»; при пятой — «Господи, Боже наш, мир даждь нам»; при шестой — «Яко пророка Иону спаси нас, Господи»; при седьмой — «Отец и наш Боже благословен еси»; при восьмой — «Господа пойте дела и превозносите во вся веки»; при девятой — «Богородицу в песнях величаем».

По поводу 50 псалма блаж.Симеон говорит, что он исполнялся постишно, и к каждому из стихов дополнялся отпустительный тропарь праздника, а в дни памяти святых — тропарь святого. Кроме того, на вседневной утрени к стиху «Не отвержи мене от лица Твоего» добавлялся тропарь «Предстательство христиан...», на «Славу» пели «Единородный Сыне» и на «И ныне» — «Пресвятую Божию Матерь». Дрезденский список устава Великой Константинопольской церкви в службе Воздвижению Креста Господня указывает петь лишь несколько стихов из этого псалма, но зато к каждому из них особый тропарь, а именно: к первому стиху «Помилуй мя, Боже» добавлялся тропарь «Спаси, Господи, люди Твоя»; ко второму стиху «Тебе единому согреших» пели тропарь «Спасение соделал еси...», к третьему стиху «Окропиши мя иссопом» пели «Животворящий крест...»; к четвертому «Не отвержи мене» — тропарь «Церковь вопиет Ти...»; к пятому стиху «Господи, устне мои отверзеши» — тропарь «Токмо водрузися древо...»; на «Славу» — «Вознесыйся на крест» и на «И ныне» — снова вышеуказанные тропари (Дмитриевский. Древн. патр. типиконы, стр.271-282). Эта константинопольская практика пения отдельных стихов из 50 псалма, очевидно, послужила основанием к существующей у нас практике, по которой 50 псалом в полном своем виде на полиелейной утрени опускается, а лишь поются «Слава... молитвами святого имярек... и ныне... молитвами Богородицы... помилуй мя, Боже» и стихира святого.

Утренние молитвы

Если на утрени «Завещания» каждая из ее частей, т.е. *Laudatio aurorae* и *Collaudatio finalis* начинались трехчастной молитвой епископа, то, по описанию Сильвии, в Иерусалиме в IV веке, где епископ приходил к утрени после того, как здесь была пропета какая-то часть псалмов и песен, этих начальных молитв, естественно, не было. Зато здесь каждый псалом сопровождался особой молитвой, которую читали пресвитеры, так что вся утрени представляла собой последование

псалмов и песен, чередующихся с иерейскими или епископскими молитвами. Следовательно, в IV веке в практике иерусалимской церкви молитвы оказываются закрепленными за теми или другими псалмами утреннего богослужения. Ко времени блаж.Симеона утренние молитвы оказываются оторвавшимися от своих прежних спутников — псалмов. Святитель говорит, что эти молитвы в его время иерей читал тайно, когда исполнялись первые три утренние псалма. По-видимому, этот отрыв шел постепенно, как постепенно трансформировался и самый чин песенной утрени.

Это обстоятельство отражается в ряде памятников, например, по евхологию Синайск. библи. №.973-1153 г. молитва первого антифона («Благодарим Тя, Господи, Боже наш...»), молитва второго антифона («От ноши утреннует дух наш...») и молитва третьего антифона («От ноши утреннует дух наш к Тебе, Боже...») чередуются с ектениями (Дмитриевский. Евхология, стр.88), а по рукописи Патмосской библи. №.105 — XIII века, все три молитвы иерей читает подряд после пения «Бог Господь...» (Там же, стр.163).

Зато молитва «Владыко Боже, святе и непостижимо...», а также молитва «Благих сокровище, источниче приснотекущий», надписанная как «молитва пятого антифона», молитва «Благодарим Тя, Господи, Боже спасений наших», надписанная как «молитва шестого антифона» молитва «Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа», в первом тысячелетии читаются подряд перед 50 псалмом (Там же, стр.88), по второму же памятнику сначала читается молитва евангелия («Воссияй в сердцах наших...»), затем «молитва 50» («Господи, Боже наш, покаянием оставление...»). И уже потом, на третьей песне канона читается молитва «Владыко, Боже, святой и человеколюбивый». После шестой песни канона читалась молитва «Благих сокровище...» и после девятой — молитва «Боже, Боже наш, умная и словесная поставивый силы...». Молитв «Благодарим Тя, Господи Боже, спасений наших...» и «Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа...» (Там же, стр.163) в этом памятнике нет вовсе. Зато памятник имеет особую молитву отпуста, которая не встречается в других евхологионах. Вот она: «Творче всех, Господи, восставивый от упокоения ночного и к славословию утвердивый и укрепивый, приклони ухо Твое и услыши нас, не помяни немощей наших предстательством Пресвятыя Богородицы и всех святых Твоих, умири жизнь нашу, благоприятну сотвори молитву нашу, и Царствия Твоего всех нас сподоби, сый благословен во веки веков. Аминь» (Дмитриевский. Евхология, стр.164).

Другие памятники отсутствующие в упомянутом выше Патмосском евхологионе молитвы («Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа...» и «Господи Боже наш, сонное уныние...») указывают читать после 7 и 8 песен канона, т.е. после каждой песни по молитве (Кекелидзе. Лит. груз. пам., стр.146 и 166).

Установить в настоящее время полный состав утренних молитв и точное место их в чине древнепесенной утрени невозможно, во-первых, потому что разные памятники указывают разное их количество. Выше я отметил, что Патмосский евхологион №.105 не имеет двух молитв из состава тех, которые даны в Синайском евхологионе 1153 г., зато имеет особую молитву отпуста, неизвестную другим памятникам. Пропуск молитв в Патмосском евхологионе не составляет исключения. Илитарий Синайской же библиотеки X века №.956 содержит всего 6 молитв, соответствующих 1, 2, 6, 10, 11 и 12 утренним молитвам современного служебника. При этом любопытно, что третья по порядку молитва этого сокращенного состава их «Благодарим Тя, Господи Боже, спасений наших» тут же в памятнике надписана как «молитва утренняя шестая» (Дмитриевский. Евхология, стр.18). Из-за отсутствия в некоторых евхологионах отдельных молитв получается путаница в их нумерации; в некоторых евхологионах, например, нынешняя девятая молитва не нумерована. Само по себе отсутствие ее нумерации объясняется тем, что чтение этой молитвы было связано с чтением утреннего евангелия. А так как чтение последнего составляло особенность собственно праздничного богослужения и не имело места на всенедельной утрени, то и молитва, предшествовавшая ему, не попадала в число утренних молитв, составлявших принадлежность утрени вообще. Наконец, путаница с нумерацией молитв еще более увеличивается благодаря тому, что одни памятники относят к числу этих молитв главопреклоненную молитву, тогда как другие ее в счет не принимают. Осложняется вопрос и тем, что в некоторых памятниках перед главопреклоненной молитвой положены еще молитвы об оглашенных и верных, в других памятниках их нет. Наконец, осложняется вопрос и тем, что одна и та же молитва евангелия «Воссияй в сердцах наших...» в разных памятниках занимает разное место в силу того обстоятельства, что самое чтение евангелия, как сказано было выше, в практике разных церквей

полагалось в разное время утрени. То же самое нужно сказать и о молитве «Господи Боже наш, покаянием оставление...», связанной с пением 50 псалма. Поскольку этот псалом в истории утрени отрывался от евангельского чтения и с конца утрени переносился на более раннее время, переходила с место на место и эта молитва. Итак, в силу сказанного представить себе полный состав молитв древней песенной утрени и определить точное место их в чине — невозможно. Часть их до нас не дошла.

Часть молитв древней утрени сохранилась в современном чине. Это те 12 молитв, которые иерей читает перед святыми вратами тайно, в то время как чтец читает вторую часть шестопсалмия. Место некоторых из них в чине песенной утрени может быть определено благодаря надписям над ними в более ранних служебниках, главным же образом по отдельным фразам их, общим тем или иным псалмам или песнопениям.

Первая утренняя молитва нашего служебника в древних евхологионах занимает также первое место.

Вторая молитва нашего служебника, хотя и надписывается в евхологионах IX и последующих столетий как «молитва второго антифона», но, по-видимому, в глубокой древности имела связь с песнью пророка Исаии. Так можно полагать по словам ее: «От ноши утреннует дух наш к Тебе, Боже наш. Зане свет повеления Твоего на земли. Правду и святыню совершати во страхе Твоем вразуми ны...».

Трудно сказать что-либо о месте третьей молитвы нашего служебника. В евхологионах X и последующих столетий она обозначается как «молитва третьего антифона», но отдельные фразы из нее роднят ее с той же песнью пророка Исаии («От ноши утреннует дух наш...»). Фраза «Научи нас, Боже, правде Твоей, заповедом Твоим и оправданием Твоим...» роднит ее с непорочными, а слова «Исправи стопы наша на путь мира» — с песнью Захарии, отца Предтечи.

Также трудно установить место четвертой, пятой и шестой молитв.

Седьмая и восьмая молитвы словами их «Научи ны оправданием Твоим» и «Исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея» опять же намекают на связь их с непорочными.

Десятая молитва нашего служебника «Воссияй в сердцах наших...» в древности была связана с чтением евангелия. За это говорит и надписывание ее в некоторых евхологионах — «молитва евангелия», и слова ее «Воссияй в сердцах наших... и мысленные наши отверзи очи во евангельских Твоих проповеданий разумение».

Наша десятая молитва в большинстве евхологионов обозначается как молитва 50 псалма, что указывает на ее связь с этим псалмом. То же подтверждают и слова ее: «Помилуй по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззакония наша; яко Тебе согрешихом, Господи, и безвестная и тайная сердца человеческого ведущему...» и т.д., представляющие перифраз 50 псалма.

Одиннадцатая наша молитва в некоторых евхологионах надписывается как «молитва на Хвалитех». Вне сомнения, она произносилась в связи с пением хвалитных псалмов. Связь ее с хвалитными псалмами подтверждается отдельными фразами из нее, например: «Приими наше по силе славословие... яко Тебе преклоняется всякое колено небесных и земных и преисподних, и всякое дыхание и воздание поет непостижимую Твою славу...».

Наконец, наша двенадцатая молитва в некоторых евхологионах надписывается как «молитва отпуста в Слава в вышних». Слова ее «Хвалим, поем, благословим, благодарим Тя... яко у Тебе есть источник жизни, и в наслаждении быти сподобимся неприступного Твоего света» также указывает на ее связь с великим славословием.

Строй песенной утрени в целом

В свете приведенных данных из истории песенной утрени чин этот в целом представляется в следующем виде.

В притворе храма, при закрытых дверях последнего, иерей давал возглас «Благословенно царство», после чего произносилась великая ектения. Затем исполнялись антифонно псалмы: «Господи, что ся умножишася...» (3 пс.), «Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю...» (62 пс.) и «Се ныне благословите Господа...» (133 пс.) с малыми ектениями между ними и молитвами. Припевом к псалмам служила фраза «Слава Тебе, Боже», а в воскресные дни особые троичные. В некоторые

праздники к этим псалмам добавлялись и другие, по содержанию соответствовавшие воспоминаемому священному событию, с особыми тропарями к ним. В частности, среди таких псалмов был 117-ый («Бог Господь»). Далее следовали непорочны, также исполнявшиеся антифонно с припевом на первой статье «Аллилуиа», на второй — «Вразуми мя, Господи» и на третьей — опять «Аллилуиа». Между статьями полагались малые ектении и молитвы. Во время пения непорочных иереев кадил иконы, висящие в притворе, и молящихся, затем боковой дверью входил в храм, кадил его и алтарь. Отсюда он выносил запрестольный крест, который ставил в притворе перед закрытыми центральными воротами храма. Перед крестом водружались три горящие свечи. На словах псалма «Да взыдет моление мое пред Тя, Господи» открывались все двери храма. Иерей, держа в руках крест с горящими перед ним свечами в храм. В это время пели о ω бый входной тропарь. За иереем входил и народ. Крест ставился посередине храма перед амвоном, и продолжалось пение 118 псалма, к которому добавлялись особые тропари с припевом «Благословен еси Господи...», затем следовала песнь трех отроков, а когда-то, очевидно, и другие библейские песни. В более глубокой древности здесь читалось евангелие и полагался 50 псалом. Далее следовали хвалитные псалмы (148, 149, 150) с рядом припевов к ним. В это время священнослужители входили в алтарь. К псалмам примыкало великое славословие, которое запевал доместик, стоящий на амвоне и державший в руках запрестольный крест. После славословия произносились: молитва отпуста, ектении, молитва об оглашенных, две молитвы верных и молитва главопреклонная. Позднее чтение евангелия было перенесено на конец утрени, после великого славословия, как это было еще в эпоху «Завещания».

Шестопсалмия, кафизм, степени, канона в чине утрени не было.

Характерными чертами песенной утрени были:

1) Трехпсалмный строй, лежащий в основе конструкции чинопоследования в целом, причем трехпсалмия соединялись одно с другим ектениями и молитвами. Ектении и молитвы служили также связью псалмов и самих трехпсалмий.

2) Антифонное исполнение псалмов и библейских песен с применением к их стихам особых припевов.

3) Наличие «входов», сложных и торжественных обрядов и священнодействий, связанных с перенесением богослужения из притвора храма не средину его, а затем в алтарь (Эту особенность еще в XII веке отмечал наш русский паломник, архиепископ новгородский Антоний: «И егда же заутреннюю пети хотят у святых Софеи, прежде поют пред царскими дверьми во притворе, и вышел поют посреде церкви, и двери отворят райские и третья поют у олтаря». Путеш. новг. арх. Антония, стр.83).

4) Непременное участие в отправлении богослужения нескольких человек клириков, иерея, доместика, певцов, а в соборных храмах еще епископа и диакона.

5) Торжественность отправления богослужения и насыщенность его пением, откуда происходит и самое название — песенное последование (acoloudia atmatich).

Древне-иноческое утреннее правило псалмопения как основа монастырского утреннего богослужения

Наряду с песенной утренней, сложившейся в христианской церкви в IV веке, с характерными для нее вышеуказанными особенностями, в это время, т.е. в IV веке, создается иной вид богослужения, известный под названием «келейного правила» или «правила псалмопения» (санwn thz yalmwdiaz).

Основателями его были первые египетские и палестинские отшельники. Последние в данной области не были реформаторами в смысле отказа от освященных в раннем христианстве традиций построения богослужения на основе псалтири и других книг священного писания, а также времени его отправления вечером, ночью, утром и в дневные часы, а равно и празднования воскресного дня и других устанавливавшихся тогда великих праздников. Они принимали все эти церковные установления, но сам образ жизни и быт этой части христианского общества приводил богослужение к существенным в нем изменениям. «Причиной всех причин» этих изменений являлся анахоретский образ жизни иноков. Живя в пустыне в абсолютном одиночестве и будучи, отсюда, лишены общественного богослужения, анахореты, естественно, должны были отправлять

богослужение в своих кельях или пещерах. В условиях келейного отправления одним иноком богослужение теряло все те особенности, какие были присущи ему как общественному. Так, если сами по себе псалмы и библейские песни, как основной богослужебный элемент, в нем сохранялись, то распев их, какой делали на песенной утрени доместики, здесь отсутствовал. Распевность заменялась речитативным пением — псалмодией. Сама антифонность псалмопения была просто немыслимой. Терял смысл и присущий песенной утрени вход, когда-то естественно возникший в условиях богослужебной практики иерусалимского храма Воскресения и затем принявший в церкви значение торжественного священного обряда невозможно было и перенесение богослужения в пределах келии с одного места на другое. То же нужно сказать о диаконских возглашениях (ектении), служивших в общественном богослужении призывом, организующим верующих к молитве, а равно и о епископских и иерейских молитвах, возносимых ими как предстоятелями церкви. Анахорету не требовался такой организующий «призыв» к молитве, и он не являлся предстоятелем. Эту мысль прекрасно выразил в своем ответе ученику авва Варсануфий: «Часове и песни церковные суть предания и добре умышленны быша оглашения ради всех людей» (**Никон Черногорец. Пандекты, сл.29**). По словам того же аввы Варсануфия: «Скитяне же ни часов имут, ни песней глаголют но наедине рукоделие и поучение, и помале молитву. Стоя же на молитве, должен еси молити избавитися и освободитися от ветхого человека. Глаголати же и Отче наш, или и обоя, и сести на рукоделие. Ащели седиши на рукоделии, подобает изучати или глаголати псалмы и на кои негожде псалма молитися сядящу яко Боже, помилуя мя, окаянного. Ащели стужаем еси, помысли глаголати, Господи, Ты видиши скорбь мою, помози ми; яко убо сотвориши три рядовы на мрежи, встани на молитву, и преклонь колене, такожде и стоя, твори реченную молитву. О вечерних же пениих, дванадесять псалмов глаголют скитяне, и наконец коегождо в место славословия аллилуиа глаголют и творят едину молитву. Такожде и в нощи дванадесять псалмов и по псалмех седают на рукоделие, и иже хочет изучает, а иже хочет помысли своя испытует, и жития святых, иногда же и прочитает пять или осм листов и паке возьмет рукоделие» (**То же**).

Характерную черту иноческого богослужения составляло исключительное его разнообразие в смысле количества псалмов, полагаемых на той или иной службе, что объяснялось молитвенной ревностью иноков и самой свободой отправления богослужения в келье. По этому поводу преп. Кассиан говорит: «Относительно молитвенного устава, мы встречаем в разных местах разные чины и правила, из которых иные, может быть, устанавливаемы были лицами, как говорит апостол, имевшими ревность Божию, но не по разуму, ибо у иных положено петь по двадцати или тридцати псалмов каждую ночь, и притом антифонно и на разные распевы (преп. Кассиан говорит о богослужебной практике, которую он наблюдал уже в общежительных монастырях; здесь была возможность, в отличие от анахоретского богослужения, исполнять псалмы антифонно); другие покусились превзойти и это число; у некоторых поется только восемнадцать псалмов. Таким образом, в разных местах, как знаем, разный держится устав; и мы видали почти столько же разных молитвенных чинов и правил в употреблении, сколько обозрели монастырей и келий. Иным и относительно дневных молитвенных служб, т.е. третьего, шестого и девятого часов, показалось, что при совершении в них молитвенных ко Господу последований должно с числом часов уравнивать и число псалмов и молитв; между тем как другие на каждой дневной службе поют по шести псалмов» (**Еп. Феофан. Древне-иноческие уставы, стр.528**).

После каждого псалма полагалась «умная» молитва, т.е. молитва про себя, которую все братство творило в абсолютной тишине и безмолвии: «В это время не выбрасывается слюна, — говорит он, — не брюзжит харканье, не перекликается кашель, не выводится сонливая зевота с растянутыми щеками и разинутым ртом, не выпускаются никакие стоны и вздохи на помеху предстоящим, не слышится ничей голос, кроме голоса священника, когда он заканчивает молитву» (**Там же, стр.535**). Иногда «умная» молитва совершалась и внутри псалма, который делился для этого на части или «славы». Псалмы выслушивались сидя, а «умная» молитва совершалась стоя.

Что касается утреннего богослужения, то преп. Кассиан также разделяет его на две части, из коих одна, по его словам, кончается «после пения петухов до зари». На этой части утрени, заканчивающей собой ночное двенадцатипсалмие, между прочим полагается 62 псалом «Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю» и непорочны (**Там же, стр.547**). В орологионе лавры преп. Саввы Освященного VIII-IX в. имеется первая половина ночного двенадцатипсалмия, называемая службой в первый час ночи. Она начинается «Приидите, поклонимся...» и далее идут псалмы: 4, 12, 26,

«Слава» и еще 30, 90 и 60 псалмы; «С нами Бог», тропари: «Вечер и завтра и полудне...», «Призри, услыши мы Господи, Боже мой...», «Не предаждь зверем душу...». Эта часть ночного правила по своему составу напоминает первую часть современного чина великого повечерия. На этом рукопись обрывается. По-видимому, вторая часть правила, читавшаяся после пения петухов и предварявшая собой собственно утренние псалмы, была аналогичного порядка. Возможно, что в нее входило наше шестопсалмие, Бог Господь, и какие-то тропари. Именно эта часть нашей утрени составляет своего рода параллель приведенной выше иноческой службе в первый час ночи. Такое происхождение нашего шестопсалмия находит подтверждение в самом типиконе. Указание его о том, что во время чтения его «не имать кто власти шепты творити, ниже плюнути, ниже харкнути» отражает ту традицию древне-египетского безмолвного совершения «умной» молитвы, о которой говорит преп. Кассиан: «В это время не выбрасывается слюна, не брызжит харканье, не перекликается кашель...».

На второй же части утрени, которая совершалась перед рассветом, пелись хвалитные псалмы 148, 149 и 150 (**Еп. Феофан. Древне-иноческие уставы, стр.550**).

Таким образом, иноческая утренья, как и общехристианская, была двухчастной службой. Первая часть ее была предрассветной, а вторая совершалась на рассвете. В ту и другую входили псалмы, которые отправлялись и на песенной утрени.

Такой вид иноческой утрени в отдельных уголках христианского мира совершался еще в VII веке, что видно из рассказа Иоанна Мосха о посещении им и патр.Софронием аввы Нила Синайского. Он говорит, что после вечерни старец предложил им трапезу, а после нее начал совершать правила. Это правило состояло из 50 псалмов и молитвы Господней. Затем читали 50 раз «Господи, помилуй» и один из учеников старца прочитывал полностью соборное послание апостола Иакова, в то время как старец и другой его ученик, сидя, слушали. После этого чтения все встали, пропели еще 50 псалмов. Старец дал книгу другому брату, и тот прочитал полностью еще соборное послание, очевидно, апостола Петра. Его также слушали сидя. Затем все встали и еще пропели 50 псалмов. Таким образом, когда была пропета вся псалтирь и снова молитва Господня и «Господи, помилуй», опять все сели, старец предложил одному из гостей прочитать соборное послание апостола Иоанна. После этого опять все встали и начали тихо петь песни пророка Моисея и другие библейские песни, но без прибавления к ним каких-либо тропарей. После 3 и 6 песни вместо «междопесния» опять была прочитана молитва Господня и «Господи, помилуй». По отправлении библейских песен пели хвалитные псалмы, но опять-таки без всяких к ним тропарей, затем «Слава в вышних Богу...», символ веры, «Отче наш» и «Господи, помилуй». После этого старец произнес «Сыне и слове Божий, Господи Иисусе, Христе Боже наш, помилуй нас. И помоги и спаси души наша». Все ответили: «Аминь», и на этом утренья окончилась.

Таким образом, иноческая утренья на ранних порах своего существования отличалась от песенной прежде всего тем, что в ней, наряду с псалмами и библейскими песнями, значительное место занимало чтение священных книг. Самые псалмы и библейские песни исполнялись речитативно или псалмодией, и никаких распевных мелодий здесь не было; не было при псалмах и каких-либо припевов и тропарей. Отсутствовали также ектении и молитвы. Не было ничего подобного утреннему входу или перенесению службы с одного места на другое. Эта утренья скорее приближалась к иноческому келейному правилу псалмопения, нежели к храмовому богослужению.

Развитие иноческой утрени

Иноческая утренья, как и песенная, подверглась значительному дополнению за счет новых элементов. Иноческая утренья, как и песенная, подверглась значительному дополнению за счет новых элементов. Первым из этих элементов ли кафизмы. Чтобы понятным было их происхождение, напомним, что в истории отправления келейного правила псалмопения, как видно из сообщения преп.Кассиана, не было единства. Одни иноки стремились к предельному увеличению псалмов на той или иной часовой службе. Так, у аввы Нила Синайского на утрени прочитывались 150 псалмов. Другие иноки держались двенадцатипсалмия. Двенадцать определенных псалмов составляли их дневное правило псалмопения и двенадцать — ночное. Двенадцатипсалмия, по словам преп.Кассиана, придерживались египетские и фиванидские монастыри (**Древне-иноческие уставы, стр.530**). Наконец, третьи отправляли свое келейное правило с таким расчетом, чтобы вся псалтирь была прочитана в течение недели. Такой вид келейного правила предлагает монахам в

своем уставе преп.Венедикт Нурсийский (гл.18). «Кому не нравится такое распределение псалмов, — говорит он, — пусть сделает свое, какое найдет наилучшим; но только да имеется во внимании, чтобы в каждую неделю пропеваема была вся псалтирь сполна, в числе 150 псалмов; и в воскресенье всегда была она снова начинаема сначала» (**Древне-иноческие уставы, стр.615-616**). Замечу, что в уставе преп.Венедикта, в то время как здесь выдерживается принцип прочтения в течение недели всей псалтири, деление последней на кафизмы еще отсутствует. Впервые термин «кафизма» упоминает так называемый иерусалимский канонарь в грузинской версии VII в., где по поводу ночного пасхального богослужения говорится: «Кафизмы не говорят, читают только книгу, ибо радоваться подобает в эту ночь» (**Кекелидзе. Иерусалимский канонарь, стр.94**). Памятник же VIII-IX в. орологион лавры преп.Саввы Освященного в начале иноческого правила содержит первую кафизму, деленную на три «славы». Она, очевидно, вычитывалась перед той часовой службой, какую инок полагал в основу своего суточного правила псалмопения, построенного на основе двенадцатипсалмия. Слова первого псалма ее «но в законе Господни воля его и в законе его поучится ден и ночь» придавали всей кафизме значение начала, открывающего собой суточное правило псалмопения. До нас дошла полная псалтирь, разделенная на 20 кафизм (**Хранится в Лен. гос. публ. под No.Гр.ССХVI**). Она датирована 862 годом и имеет надпись о том, что содержит псалтирь, как она поется «во святом Воскресении Христа Бога нашего». Эту надпись можно понимать как указание, что самое деление псалтири на 20 кафизм иерусалимского происхождения.

Кафизмы как богослужебный элемент входили в утреню постепенно. Самое раннее «расписание» чтения кафизм дает преп.Никон Черногорец: «Достоит ведати, яко в субботу новья недели не подобает гранесловити ниже в светносную неделю, по образу студийскому, но в ту же неделю вечер начинается блажен муж, в понедельник же антипасхи на утрени исповемся Тебе, Господи. На глас 1-ый, в понедельник же вечер на вечерни начинается ко Господу внегда скорбех, во вторник же на утрени кафизму едину. Сиче поется гранесловие всея пятидесятницы. Чтутся же чтения две. От святых же всех до 26 сентемариа месяца на вечерни подобает петися ко Господу внегда скорбех. На утрени же кафизмы две и чтения два по образу иерусалимскому. Прочее же до великия четыредесятницы кафизмы две, и чтения три на утрени и на вечерни, ко Господу внегда скорбех. По образу студийскому и святогорскому. В великую же четыредесятницу, в понедельник первья недели на утрени, поются кафизме две и чтения три: не каждо час прочитати кафизму едину по образу святых. От третия же недели поются три кафизмы на утрени и чтения такожде три. И на вечерни ко Господу внегда скорбех, даже и до великия среды. В субботы же и недели, по две кафизме, рекше, в субботу убо рече Господь Господеви моему и непорочны. В неделю же Исповемся Тебе Господи и возлюблю Тя Господи. И всегда сиче поется в субботу же и неделю. Во всякую же суббо ту на вечерни и на господской же праздник блажен муж поется по уставу святых отец. От великия же среды оставляется псалтирь и в сей празднои недели не поется. Прочее же во всяко время всего лета никогда же празднуем» (**Тактикон, сл.1**).

Суть этого расписания сводится к тому, что псалтирь начинали стихословить вечером не с субботы пасхальной недели, а в Фомино воскресенье (вечером). Здесь полагалась первая кафизма «Блажен муж», а в понедельник недели антипасхи, на утрени — вторая. Далее в течение всей пятидесятницы на утрени полагалась одна кафизма (рядовая) и два уставных чтения, а на вечерне ежедневно 18-ая кафизма. От недели всех святых до 26 сентября на утрени полагалось по две рядовых кафизмы и по два уставных чтения, на вечерне — та же 18-ая кафизма. С 26 сентября до великого поста: на утрени также по две рядовых кафизмы, но по три чтения; вечером постоянно 18-ая кафизма. В первые три седмицы великого поста на утрени читали, так же как и до поста, по две рядовых кафизмы и по три чтения, и кроме того, полагалась на каждом часе одна кафизма. О чтении кафизмы на вечерне в этот период времени преп.Никон ничего не говорит. Начиная с четвертой седмицы поста и кончая великой средой, полагалось на утрени по три кафизмы и по три уставных чтения, а на вечерне 18-ая кафизма. О чтении кафизм в эти седмицы на часах в расписании не упоминается. В субботы всего года на утрени полагалось по две кафизмы, шестнадцатая и семнадцатая, а в воскресенье на утрени — вторая и третья. С великого четверга и до недели антипасхи кафизмы не читались.

Расписание, устанавливаемое преп.Никоном, основывается в одном случае на практике студийского монастыря, в другом на указании иерусалимского устава, в третьем на указании Студийского устава и Святогорского (Афонского). В некоторых случаях он основывается на древне-

иноческой традиции («по образу святых», «по уставу святых отец»). Это показывает, что единого устава отправления кафизм в его время не было.

Эта неустойчивость в смысле количества кафизм имела место и после преп.Никона, причем в одних и тех же уставах иногда оказывались указания, противоречащие одно другому. Эти противоречия возникали, по-видимому, вследствие тенденции к постепенному увеличению количества кафизм для того или другого времени года. Так, например, Святогробский типикон 1122 года говорит по поводу чтения кафизмы на страстной седмице: «Должно знать, что стихология бывает на утрене две кафизмы, на первом же часе, а также на девятом, не бывает, но только на третьем и шестом. Стихословие же ежедневно на вечерне и во святой и великий четверг на утрене одну кафизму и на часах две, и так исполняется псалтирь». Изложив этот порядок отправления кафизм, типикон тут же добавляет: «И еще по другому уставу: поют ежедневно по три кафизмы на утрене и по две на часах, и исполняют псалтирь в великую среду на часах» (**Пападопуло-Керамевс. Аналетка, т. II, стр.32**). Нечто аналогичное наблюдается в другом памятнике XII века — рукописи Шии-Мгаимского монастыря. Здесь говорится: «Нужно знать, что псалтирь Давида стихословится таким образом: с 20 сентября по 24 декабря ежедневно на утрене по три кафизмы; на вечерне 18-ая кафизма, на бдениях же присовокупляем и полиелейный псалом». Далее здесь же в рукописи сделана приписка: «Мы же в продолжение всего года на утрене читаем две кафизмы, на вечерне одну, за исключением великого поста, имеющего на этот случай свой устав. С новой недели до рождественского поста две кафизмы, на вечерне одна. Затем следует еще приписка: «В рождественский пост на утрене три, на вечерне одна 18-ая. С Рождества Христова до понедельника первой недели великого поста на утрене две кафизмы, на вечерне одна. Великим же постом кафизмы читаются так, как велит устав» (**Кекелидзе. Лит. груз. пам., стр.319**).

Вместе с кафизмами в утреню вошли и постоянные спутники псалтири — чтения и седальны. Связь между псалтирью и чтениями имела место еще в IV веке у египетских монахов. По преп.Кассиану, египтяне свое правило псалмопения соединяли с двумя чтениями, из коих одно полагалось из Ветхого Завета, а другое из Нового (**Древне-иноческие уставы, стр.528**). Кроме того между отдельными псалмами авва поднимал сидящих в своих стасидиях иноков на «умную» молитву (**Там же, стр.537**). На связь псалмов с чтениями и на молитву между ними указывает авва Силуан: «Такожде и в нощи дванадесять псалмов и по псалмех седают на рукоделие, и иже хошет изучает, а иже хошет помысли своя испытует и жития святых, иногда же и прочитает пять или осм листов и паки вземлет рукоделие» (**Никон Черногорец. Пандекты, сл.29**). Эту традицию древних иноков соблюдал в VII веке авва Нил Синайский, который на своей утрене, разделив псалтирь на три части по 50 псалмов, к каждой из них добавлял «Отче наш», «Господи, помилуй» и чтение одного из соборных посланий.

Что «умные молитвы легли в основу седальнов при кафизмах, доказательством тому служит наличие о октоихе целого ряда седальнов, заимствованных из «устава святых отец Богом преданного, всем хотящим пети псалтирь» (**См. Псалтирь седованная, глава 3**), который в свою очередь обязан своим происхождением древне-иноческому правилу псалмопения (**Дьяковский. Последование часов и изобразительных, стр.77**). «Изучая состав чина 12 псалмов, — говорит по данному вопросу Е.П.Дьяковский, нельзя не обратить внимания на совпадение входящих в этот состав тропарей и молитв с известными нам тропарями и молитвами после кафизм. Достаточно сказать, что в нашей печатной псалтири среди тропарей и молитв после кафизм оказывается не менее 25 тропарей, вполне совпадающих с тропарями чина 12 псалмов в широком смысле. Рукописные славянские и греческие псалтири могут значительно увеличить это число. И нужно заметить, что здесь мы имеем дело не с какими-либо случайными совпадениями, Тропари и молитвы келейного правила псалмопения, с одной стороны, и тропари и молитвы после кафизм, с другой, — не только допускают простые совпадения, но нередко сохраняют и одинаковую последовательность, располагаясь в одинаковом порядке» (**Там же, стр.190-191**).

Вторым элементом, который вошел в иноческую утреню, был канон. Впервые «канон» со значением церковного песнопения встречается в беседе аввы Памвы с его учеником, посетившим Александрию (IV век). Этот ученик спрашивал старца: «Почто и мы не поем каноны и тропари?» (**Никон Черногорец. Пандекты, сл.29**). По мнению проф.Карабинова, уделившего много времени изучению истории творчества канонов, здесь разумеются «не наши каноны как особый вид песнопений, а просто некоторая изысканность в песенном исполнении основных псалмов

отдельных служб на началах светской музыки в противоположность древнему речитативу» (**Постная триодь, стр.98-99**). Проф.Мансветов под канонем, который наблюдал ученик аввы Памвы в Александрии, подразумевает библейские песни, которые исполнялись здесь по правилам гласовой мелодии, и к ним присоединялись припевы или тропари (**Мансветов. Церковный устав, стр.40**). По-видимому, эти припевы сами создавались на основе библейских песен, употреблявшихся на иноческой утрени. Так, по уставу Венедикта Нурсийского, в его монастыре на воскресной утрени после 12 псалмов полагались три песни из пророков по указанию аввы, которые исполнялись с припевом «аллилуиа», и затем елась еще одна евангельская песнь (**Древнеиноческие уставы, стр.611-612**). О преподобном же Авксентии (V век) известно, что когда к нему приходили за поучением и он пел песнь трех отроков, то приходившие отвечали ему: «Хвалите и превозносите во веки» (**Арх. Филарет. Истор. обзор песнописцев, стр.197**).

Когда Иоанн Мосх и Софроний, наблюдая утрени аввы Нила Синайского, увидели, что он отправлял песнь Моисееву без тропарей, то они по окончании утрени, вступив в разговор с аввой, сделали ему по этому поводу упрек. Это обстоятельство дает основание полагать, что в VII веке тропари при библейских песнях уже представляли общераспространенное в церкви явление.

Появление канонов в виде стройной системы тропарей, связанных ирмосами с библейскими песнями, преосвящ. Филарет Черниговский связывает с именем Иоанна Дамаскина (+ок.780 года) (**Истор. обзор песнописцев, стр.241**). Проф.Карабинов оформление этого вида песнотворчества относит к более раннему времени. Он считает каноны преп. Андрея Критского (+ок.712 г.) «первыми дошедшими до нас произведениями этого рода...» и допускает существование канонов еще в VII веке. «Св.Андрей, — говорит он, — быть может, лишь усовершенствовал эти тропари, т.е. расширил их объем и увеличил их количество» (**Постная триодь, стр.98-99**). Преосв. Филарет в своем мнении исходил из предположения, что преп. Андрей не писал ирмосов, а написал только ряд тропарей. Преп. же Иоанн Дамаскин приписал к ним ирмосы и придал им стройный вид канона из девяти песней (**Истор. обзор песнописцев, стр.241**). Проф.Карабинов делает против этого предположения существенное возражение. Он справедливо замечает, что ирмосы того же великого канона Андрея Критского с композиционной стороны существенно отличаются от ирмосов канонов преп. Иоанна Дамаскина. В то время как Иоанн Дамаскин сочиняет свои ирмосы, свободно заимствуя только идею той или иной библейской песни, ирмосы канона преп. Андрея представляют собой не свободное изложение мыслей библейских песней, а комбинацию из самих текстов их, иногда с добавлением короткой фразы молитвенного содержания от лица автора. Так, ирмос «Помощник и покровитель...» представляет собою второй стих библейской песни, к которому добавлены три слова из первого стиха той же песни — «Славно бо прославися». Ирмос второй песни представляет начало песни «Вонми небо и возглаголю...», к которому автор от себя добавил «И воспую Христа от Девы плотию пришедшего».

Полные каноны св.Андрея Критского, которых проф.Карабинов нашел большое количество, состояли из 9 песен, т.е. в их составе была и вторая песнь. Этот строй, очевидно, по аналогии с кафизмами, вызвал введение чтения после третьей и шестой песен. В связи с чтением на третьей песне появился седален. После шестой песни значение седална получил кондак.

Введение чтений на каноне тоже носило постепенный характер. Некоторые памятники указывают чтение только после шестой песни (**Кекелидзе. Груз. лит. пам., стр.166**). Другие указывают после третьей песни пение седална, но не говорят еще о самом чтении, в то время как после шестой песни это чтение точно указывается (**Там же, стр.146**).

Канон, заняв видное место в чине утрени, резко разграничил собой первую половину ее, отправляемую «до пения петухов», от второй части, составляющую (?) собственно «утренние песни». Это обстоятельство вызвало появление перед канонами ектении, которая служила как бы введением во вторую часть утрени подобно тому, как в песенной утрени великая ектения служила началом первой части ее. Со стороны содержания прошений этой ектении единства сначала не было. Один памятник, например, содержит следующие прошения: «Миром Господу... О свышнем мире... О мире всего мира... О святом храме... Яко да Господь Бог помилует нас... О избавитися нам... И о всех... Заступи, спаси... Пресвятую, пречистую... Милостию и щедротами» (**Кекелидзе. Груз. лит. пам., стр.165**). Другой памятник дает такие прошения: «Миром Господу помолимся... Заступи, спаси... Исполним утрени... Ангела мира... Прощение и оставление... и т.д. (**Дмитриевский. Евхология, стр.89**). Наконец, один памятник приводит прошения: «Миром

Господу помолимся... О помиловании нашем Господу помолимся... О еже проститися нам всякому прегрешению вольному же и невольному, Господу помолимся... Заступи, спаси... Пресвятую, пречистую... Возглас: «Милостию и щедротами». Указав отправление этой ектении, памятник дальше замечает: «В последовании Григория Нисского указывается эта ектения, в другом же месте другая, именно: «Миром Господу... О свышнем мире... О мире всего мира... О святом храме сем... О избавитися... Заступи, спаси... Пресвятую, пречистую... Милостию и щедротами...» **ТЫ ЖЕ ГОВОРИ, КАКУЮ ХОЧЕШЬ»** (разрядка моя — Н.У.) (Дмитриевский. Типика, т.1, стр.229).

После кафизмы и канона в чин иноческой утрени вошли степенны. Они впервые встречаются в Ипотипосисе преп.Феодора Студита (+826 г.), где они на воскресной утрени заменяют собой непорочны. Здесь говорится, что «на утрени в службе недели антипасхи по шестопсалмий «Бог Господь» на первый глас и тропарь «Запечатану гробу» и псалмы кафизмы, и три раза читаем. По окончании же чтения тотчас степенны первого гласа, воскресный прокимен, всякое дыхание и евангелие...» (Мансветов. Церковный устав, стр.96).

Составление степенн приписывается преп.Феодору Студиту и объясняется тем, что преподобный считал торжественное отправление непорочных не соответствующим строгости и суровости иноческого подвига. Он находил для монахов более приличествующими песнопения покаянного характера и, исходя из этих соображений, составил антифоны на основе псалмов 18-ой кафизмы, известных под названием «песнь степеней». Отсюда его антифоны получили название «ступени» (Голубинский. Истор. рус. ц., т.1. Первая половина, стр.496 и 502. Эта черта Студийского устава сохранилась в некоторых списках Иерусалимского, например, в ркп Лен. гос. публ. библ. No.208 (груз. собр.), где на воскресной утрени после кафизмов и седальнов сразу идет чтение и степенны.). Принадлежность степенн преп.Феодору подтверждается наличием их в списках Студийского Алексиевского устава, где они, как и в Ипотипосисе, заменяют собой непорочны. (Кекелидзе. Лит. груз. пам., стр.165. В современном русском уставе эта студийская особенность сохранилась в службе Благовещению при совпадении праздника с великой пятницей. На этой службе типикон указывает «по чтении 7-го евангелия, чтение дне. По сем степенны, 1-ый антифон 4-го гласа».).

После степенн в чин утрени вошел полиелей составе 134, 135 и 136 псалмов. Проф.Болотов, описывая обстоятельства, при каких святитель Афанасий избежал ареста, когда церковь, где он совершал ночную службу, была оцеплена солдатами, говорит: «В ночь с 8 на 9 февраля, на пятницу, когда Афанасий совершал всенощное бдение, в церкви Феоны, церковь была оцеплена солдатами. Во время «Хвалите имя Господне» по приказанию Афанасия народ стал расходиться из церкви, подпевая «Яко в век милость Его» (Лекции по истории древней церкви, т.IV, стр.66-67). В этом описании проф.Болотова представляется всенощное бдение и, в частности, отправление полиелея. Мне кажется, что проф.Болотов нарисовал эту картину на основании современного чина с его торжественным моментом отправления полиелея, а не из исторических данных. Ведь св.Афанасий, описывая историческое бдение, когда он бежал из оцепленного Сирианом храма, говорит только о псалме, к стихам которого народ припевал «Яко в век милость Его», т.е. о 135. О псалме же 134 «Хвалите имя Господне» он ничего не упоминает. Это прежде всего. Далее, по проф.Болотову, св.Афанасий указал народу расходиться при пении этого псалма, а как сообщает сам св.Афанасий, он указал диакону произносить псалом, а народу подпевать «Яко в век милость Его» и при этом расходиться. По проф.Болотову, таким образом, 135 псалом оказывается отправляемым в обыкновенном ходе всенощного бдения, по сообщению же самого св.Афанасия, пение этого псалма носило скорее экстраординарный характер. В самом деле, если этот псалом должен был исполняться в порядке чинопоследования бдения, то зачем было св.Афанасию давать распоряжение диакону о его пении? Скорее, нужно полагать, что святитель велел петь этот псалом ввиду чрезвычайных обстоятельств, в каких оказался оцепленный ночью в храме народ. Подтверждение этой мысли мы видим в словах самого святителя Афанасия: «А я почитал неразумным оставлять народ в таком смущении и не предварить их паче в опасности, сев на своем престоле, велел диакону...». Очевидно, святитель Афанасий велел петь 135 псалом в целях ободрения оцепленных христиан. В этом псалме, описывающем благоденствия Божии, явленные народу израильскому при выходе его из Египта, в особенности в стихах «Изведшему Израиля от среды их», «проведшему Израиля посреде его», «проведшему люди своя в пустыни» и «избавил ны есть от врагов наших»,

находчивость св.Афанасия нашла средства к укреплению духа осажденных, результатом чего был их смелый выход из осады вместе с самим святителем.

Термин «полиелей» впервые встречается в иерусалимском канонаре VII века в связи с изложением службы пасхальной утрени. «На утрени полиелей глас 8 с аллилуиа» (**Жекелидзе. Иерусалимский канонарь, стр.94**). Однако принять это слово безапелляционно в современном значении его мы не имеем оснований, так как памятник принадлежит к той эпохе, когда литургическая терминология была далека от той точности, какую она приобрела позднее. Вполне возможно, что под полиелеем здесь имеется в виду 117 псалом которым также несколько раз повторяются слова «Яко в век милость Его». В пользу этого соображения говорит указание в Святогробском типиконе 1122 года на пение отдельных стихов из этого псалма также в начале пасхальной утрени сразу же после стихов 67 псалма «Да воскреснет Бог» (**Дмитриевский. Богосл. страстн. и пасх. седмиц во св.Иерусалиме, стр.184-185**).

Входящие в состав полиелея 134, 135 и 136 псалмы составляют первую «славу» 19 кафизмы, положенной для отправления в пятницу. В одном из списков Студийско-алексиевского устава (Моск. синод. библ. No.380/330), где указывается порядок отправления этих псалмов с пением «аллилуиа» на утрени в пятницу, сказано: «Подобает ведати яко на кийждо глас 9 аллилуариев преподобный отец наш исповедный Феодор уставы и о нех потрудися, яко 72 глас собирают, осмишьды 9 72 бывает» (**Горский. Описание, т.Ш, отд.1, стр.268**). Из этих слов видно, что преп.Феодор Студит, наряду с сочинением степени для пения на воскресной утрени в его монастыре, составил системы аллилуариев в количестве 72 из расчета по 9 на каждый глас. Эти аллилуарии, в порядке чередования осмогласия, добавлялись за богослужением к тем или иным псалмам и кафизмам, в частности, и к первой «славе» 19 кафизмы, отправлявшейся на утрени в пятницу. Торжественный распев аллилуариев и хвалебное содержание упомянутых псалмов послужили поводом к перенесению их с утрени пятницы на праздничную невоскресную утренью, что имело место в Константинополе в X-XI столетии. Так можно полагать на основании того обстоятельства, что Патмосский список устава Великой Константинопольской церкви (IX-X в.) еще ничего не говорит о пении полиелея (**Дмитриевский. Типика, т.1, стр.152**), тогда как Дрезденский список (X-XI в.) в той же службе Воздвижения Креста Господня указывает наряду с антифонами песенного последования петь и полиелей: «Утренья совершается на амвоне и поется первый антифон дня и 12 антифонов с каноном, поется же и полиелей и Благословие» (**Дмитриевский. Древн. патр. типиконы, стр.281**).

Благодаря постоянному общению Константинополя с Иерусалимом и, отсюда, взаимодействию того и другого патриарших уставов, полиелей в XI-XII в. входит и в святогробское иерусалимское богослужение и занимает место третьей кафизмы по зимнему расписанию, предваряя непорочны (**Дмитриевский. Богосл. страстн. и пасх. седмиц, стр.4-5**). Это же место он занимает в списках иерусалимского устава XII-XIII века (**Жекелидзе. Лит. груз. пам., стр.318** и **Дмитриевский. Типика, т.Ш, стр.54, 61**). При этом любопытно, что некоторые памятники еще в XIII веке имеют специальные указания, запрещающие петь полиелей на воскресных бдениях и даже зимнего периода года (**Дмитриевский. Типика, т.Ш, стр.402**).

Следует заметить, что в состав полиелея рассматриваемого времени входили не только 134 и 135 псалмы, но и 136. В XIII-XIV веке, как видно из некоторых списков иерусалимского устава, его в праздничные дни зимнего периода года стали заменять другими псалмами (**Там же, стр.130**), которые затем уступили свое место так называемым избранным псалмам. Результатом замены в декабрьские и январские праздники 136 псалма другими, избранными, оказалось то, что он уцелел лишь в службах трех недель, предшествующих великому посту, чаще всего падающих на февраль месяц. Праздничное, а не покаянное значение этого псалма в данных службах подтверждается указанием современного типикона петь этот псалом «с аллилуией красною» и записью его в певческих книгах XV-XVII столетий демественным распевом, которым исполнялись торжественные песнопения, главным образом, литургии, архиерейского богослужения и т.п.

Несколько слов об изобразительных псалмах и величаниях, поемых на праздничных утренях вслед за полиелеем. В 1910 г. в Трудах Киевской Духовной Академии вышла статья В.И.Барвинка «Время происхождения праздничных величаний и избранных псалмов в чине всеобщего бдения» (кн. декабрь, стр.584-611). В этой статье автор приводит мысль, что избранные псалмы представляют собой творения византийского ученого монаха Никифора Влеммида (р.1197 г., +1272

г.), величания же к ним были написаны гораздо позднее, в XIV-XV вв., и представляют плод творчества монаха Филофея (из Валахии) и некоего «блаженного Макария». Обоих последних В.И.Барвинок считает южными славянами и уверяет, что греческая церковь не знала величаний.

Все это неверно и является следствием того, что В.И.Барвинок делал свои выводы на основе наблюдений, главным образом, над южнославянскими рукописными и печатными богослужебными книгами, из греческих же использовал лишь несколько рукописей, а и то XV и последующих столетий. То правда, что за Никифором Влеммидом на Востоке прочно утвердилось мнение, как об авторе избранных псалмов, представляющих собой подбор стихов из разных мест псалтири, применительно к содержанию того или другого праздника. Это более чем вероятно, но сама-то эта работа Никифора не представляла собой в принципе чего-либо нового. Как сказано было выше, на песенных утренях великих праздников еще в IX-X вв. были в употреблении особые антифоны (см. выше, стр. __). Позднее эти антифоны вызвали появление особых праздничных кафизм. Студийский устав (рпк Моск. Синод. библ. No.381/333-1398 г.) имеет особую главу: «а се кафизмы праздником по уставу соборныя церкви. На Рождество Христово 10-ая кафизма, на Крещение 13-ая каф., на Вознесение 7-ая каф., на Сшествие Св.Духа 19-я каф., на Успение Богородицы 17-я кафизма. На Введение Богородицы 3-я кафизма, святителем и безмездником 5-ая, мученикам 9-я каф.» **(Горский, т.III, стр.273)**. Рпк Лаврентьевской библ. во Флоренции, представляющая собой список Иерусалимского устава 1336 года, например, на Благовещение указывает после кафизм пять еще 71, 95 и 131 псалмы и к ним полиелей. Особые псалмы здесь положены к полиелею почти на все двенадцатые праздники **(Дмитриевский. Типика, т.III, стр.171)**. Очевидно, Никифор воспользовался имевшейся до него практикой пения при полиелее нарочитых псалмов и, на основе ее, составил свои «избранные» псалмы.

Что же касается величаний, то они, надо полагать, возникли из тех тропарей, которые исполнялись в праздники на песенной утрене вместе с праздничными антифонами (antijwna... sun tou megalou — см. стр. __). В те праздники, когда не было особых антифонов, они исполнялись с непорочными. Рукопись Синайской библ. No.1097, представляющая собой список Иерусалимского устава 1214 г., содержит, например, такие величания местным святым.

Пророку Моисею пели:

1. Ублажает тя, боговидце Моисею, вечно блаженного, и пророка Христа-Спасителя.
2. Достойно есть яко воистину блажити тя законодавца, со ангелы согласно поющего песнь небесную.
3. и 8 глас. Роди вси тя ублажаем боговидце Моисее.

Великомученице Екатерине пели:

1. Ублажаем тя, честная дево мученице, вечно блаженную и богоневестную, яко избранную Христом Богом.
2. Глас 6. Достойно есть яко воистину блажити тя, дево невесто, юже уневести Христос и постави одесную себе.
3. Глас 8. Роди вси тя ублажаем, Екатерино мученице.

На память преподобных отцов в Синае и Раифе избивенных пели:

1. Глас 5. Ублажаем вас, богоноснии отцы, яко преподобномученицы и соангельское житие на земли проведше.
2. Глас 6. Достойно есть яко воистину ублажити вас, преподобнии отцы, яко преподобномученицы Христовы и бесплотных сослужители.
3. Глас 8. Роди вси песньми достойно почтии отцев.

Великомученице Екатерине полагались еще другие три величания:

1. Глас 5. Ублажаем тя, мзду от Христа приемшую, и чтем гроб с останками твоими на Синае обитающими.
2. Достойно есть, яко воистину, величати тя, Екатерино, яко избра тя Господь в насаждение обители своея.
3. Екатерино, мученице Христова, не отврати лице твое от тебя воспевающих» **(Дмитриевский. Типика, т.III, стр.417-418)**.

Итак, величания у греков были, и более разнообразные со стороны своего изложения, чем те, что имеются в славянских печатных псалтирях. Последние, очевидно, возникли по примеру первых.

Итак, иноческая утренняя, сложившаяся на основе келейного правила псалмопения чрез постепенное внесение в нее новых элементов — сначала кафизм с их чтениями и седальными, затем канонов, отделяемых от первой части утрени особой ектенией, потом степеннов и полиелея с нарочитыми псалмами и величаниями — развилась в сложное чинопоследование. Последним дополнением к ней были так называемые ктииторские псалмы, которые предваряют собой шестопсалмие. История ктииторских псалмов такова.

В первой четверти XII века византийский император Иоанн Комнен построил в Константинополе монастырь в честь Господа Вседержителя и Божией Матери. По праву ктиitora он дал этому монастырю и устав, в котором говорилось, что монастырь создается в благодарность Богу за дарование императору победы над персами, скифами, далматами, данами и другими народами и за счастливое раскрытие для него, т.е. императора, заговоров (Дмитриевский. Типика, т.1, стр.656) и для постоянных молитв о грехах его (императора и членов его семейств) (Там же, стр.657), как находящихся в живых, так и умерших (Там же, стр.662-663), из последних его отца, бабушки, матери и жены (Там же, стр.662, 679, 680, 681). О себе император завещал: «Каждую неделю должна быть ночная служба, когда чтимая икона, с другими ей предыдущими и последующими, сопровождаемая со слезами клиром и всем народом и встречаемая клиром Милостивой, с глубоким благоговением и подобающими почестями, вносится в храм, где все пришедшие с этими чтимыми иконами богоносцы и народ должны совершать по чину установленное прилежное моление о прощении и оставлении наших прегрешений, возглашая перед каждым образом по 15 раз «Господи, помилуй» (Дмитриевский. Типика, т.1, стр.679).

Нужно заметить, что в Византии был обычай совершать особые ночные богослужения — панихиды, как под большие праздники, так и по просьбе отдельных лиц за их здоровье или за упокой душ их умерших близких. Такого рода панихиду о себе имел в виду в данном уставе и Иоанн Комнен.

Монахи Пантократорского монастыря, совершая такую панихиду о здравии императора, путем внесения в чин нарочитых тропарей и канонов создали особый чин царской панихиды. По примеру Пантократорского, этот чин стали совершать и другие монастыри, которые, подобно Пантократорскому, были построены лицами царской фамилии. Царская панихида сохранилась в ряде памятников XII-XV веков. Она начиналась вечером вслед за повечерием. После того, как было прочтено на нем «Слава в вышних Богу», пели два особых канона, запевами к которым служили последний стих 19 псалма и первый стих 20-го. По шестой песне канона полагалось евангелие. По отправлении канонов следовало Трисвятое, затем тропарь «Спаси, Господи, люди Твоя», «Слава», «Вознесься на крест», «И ныне», «Предстательство страшное»; иерей произносил сокращенную сугубую ектению «Помилуй нас, Боже» и возглас «Услыши ны, Боже», после чего полагалось уставное чтение и начиналась утренняя.

С падением в 1453 г. империи потеряла свое значение и царская панихида и, по мере того, как уходили в область предания старые порядки, разрушалась и эта служба. Сначала греки исключили из нее каноны, заменив их чтением 19 и 20 псалмов, а затем изъяли и последние. От целонощной службы осталось у них только обычное начало, тропарь, кондак, богородичен и ектении, которые стали отправляться перед самой утреней со значением начала утрени. В русскую церковь этот анахронизм перешел в той стадии, когда из него исчезли каноны, но еще читались 19 и 20 псалмы (С падением русской империи и образованием у нас Советского социалистического государства этот анахронизм потерял всякий смысл. Молением же, хотя бы псаломским, «Господи спаси царя...», «Господи, силою Твоею возвеселится царь...» наш клирик нехотя может создать у молящихся неверное и политически вредное представление о церкви, якобы стремящейся к реставрации царизма. Мне кажется, в данном случае правильным было бы вовсе отказаться от этого анахронизма и вернуться к той практике начала утрени, которая существовала еще в Византии до времени Иоанна Комнена, а в Палестине еще и в XIII веке, когда утреню начинали так. Иерей давал возглас: «Благословен Бог наш», чтец читал обычное начало; по возгласе «Яко Твое есть царство» чтец читал 12 раз «Господи, помилуй» и вместо «Слава и Ныне» и «Приидите, поклонимся» начинал шестопсалмие «Слава в вышних Богу...», «Господи, устне мои отверзеши» и т.д. (Устав лавры преп.Саввы, ркп Синайской библ. No.1094, XII-XIII в.; Дмитриевский. Типика, т.III, стр.8)).

Процесс трансформации утрени

Современный чин утрени представляет собой результат сложной и длительной трансформации песенной утрени под влиянием монастырского богослужения. Оба эти вида христианского богослужения, сохраняя единый принцип деления утрени на две части — предрассветную и собственно утреннюю — и имея в себе много общих элементов, как например, библейские песни, отдельные псалмы и песнопения, тем самым, естественно, имели общие точки соприкосновения. Поэтому тот или иной новый элемент, появившийся в монастырском богослужении, скоро проникал и в соборно-приходское.

Этому обстоятельству благоприятствовало и то, что уже с конца IV века в общежительных монастырях Египта появилось антифонное пение (**Древне-иноческие уставы, стр.528**), в V же веке в лавре преп.Саввы Освященного иноческое правило исполнялось всем братством «со сладкопением» (**См. Житие св.Саввы Освященного, изд.Помяловского, СПб, 1890 г., стр.230**).

С другой стороны, этому сближению двух видов богослужения служило самое сближение «церковного мира» с монашеством. Уже во времена Сильвии в самом центре христианской жизни, Иерусалиме и его храме Воскресения, мы видим монашествующих, совершающих свое богослужение наряду с клиром патриарха. Монашествующие, таким образом, выходят из-за монастырских стен становятся учениками (*или учителями???*) общецерковного богослужения, а, следовательно, и церковной жизни в целом. Они занимают епископские кафедры, и мы видим в том же Иерусалиме, центре церковной жизни V-VII столетий, ряд патриархов-выходцев из палестинских монастырей (**Напр., патр.Анастасий (458-478), ученик аввы Пассариона; Мартирий (478-486) и Илия (494-517), ученики преп.Евфимия Великого; патриарх Софроний (634-644) из монахов лавры преп.Саввы Освященного**).

Для епископа-монаха келейное правило, в силу его многолетнего отправления в монастыре, было родным, и он не расставался с ним по принятии епископского сана. Благодаря этому элементы правила псалмопения оказывались легко вносимыми в соборно-приходское богослужение.

Наконец, если мы еще учтем тот факт, что некоторые епископы-монахи сами были или песнописцами, или уделяли особое внимание благоустройству богослужения, как, например, патриарх Софроний, епископ Косьма Майюмский, преп.Марк Отрантский, то процесс растворения песенной утрени под влиянием монастырской будет тем более понятен.

Представить себе детально этот процесс нет возможности, во-первых, потому что история сохранила нам слишком мало памятников, касающихся чинопоследования песенной утрени. В сущности говоря, полное описание ее нам дает только блаженный Симеон Солунский и то относительно полное. Вопрос еще более осложняется благодаря тому, что те или иные нововведения в этом чине и заимствования из монастырского богослужения могли происходить в разных церквах в разное время. Так, например, из Святогробского типикона 1122 г. видно, что в Иерусалимском храме песенная утренняя начиналась шестопсалмием еще в начале XII века (**Дмитриевский. Богосл. встр. и пасх. сед. во св.Иерусалиме, стр.**), блаженный же Симеон еще в XV веке совершал ее, не предваряя шестопсалмием. Далее, тот же полиелей мы видим в Константинополе уже в XI веке, где он соединяется с антифонами песенной утрени; в Иерусалимском же уставе XII-XIII в. он имеет значение только третьей кафизмы; в утрени блаж.Симеона Солунского (XV в.) он вовсе отсутствует. То же самое наблюдается и с канонам. В иерусалимском патриаршем богослужении мы встречаем отправление его в XII веке, блаженный же Симеон говорит, что в Солуни он сделал это нововведение сам лично, т.е. спустя 300 с лишним лет после того, как в Иерусалиме эти каноны уже пели.

В силу изложенного не только невозможно, но было бы исторически неверно устанавливать какой-то единый путь трансформации песенной утрени во всей церкви. Здесь есть возможность лишь отметить отдельные моменты в изменении чинопоследования. Первым таким моментом было, конечно, предварение утрени шестопсалмием и введение кафизм. Так можно полагать, потому что сами эти элементы весьма раннего происхождения и существовали еще до появления канонов, степени и полиелея. Употребление шестопсалмия, по крайней мере в иерусалимском святогробском богослужении, могло быть очень ранним, поскольку здесь ежедневно отправлялось богослужение не только патриархом и его клиром, но и монахами. Таким образом, путь проникновения этих элементов в песенную утреню здесь был вполне естественным. Поэтому-то иерусалимский

канонарь VII века уже упоминает об отправлении в храм св.Воскресения кафизм. Сами по себе кафизмы, входя в песенную утреню, заменяли собой утренние псалмы-антифоны, так что каждая «слава» кафизмы заменяла собой тот или иной антифон, сохраняя при себе малую ектению с соответствующей молитвой. Так, например, рукопись No.50 бывшего Тифлисского церковного музея, указывая иерею читать первую утреннюю молитву во время последнего псалма шестопсалмия, по поводу следующих молитв говорит: «Бог Господь и явися нам...», тропарь дня и праздника, а потом кафизмы. После первого псалма священник читает вторую утреннюю молитву: «От ноши утреннует дух наш...», малая ектения, возглас «Яко благословися и прославися...» и сразу второй псалом и третья утренняя молитва «От ноши утреннует дух наш...», малая ектения, возглас «Яко Твоя держава...», третий псалом, четвертая утренняя молитва «Владыко, Боже, святой...», малая ектения, возглас «Яко Бог милости и щедрот...», далее седален, непорочны и проч.» **(Кекелидзе. Лит. груз. пам., стр.145).**

Итак, шестопсалмие и кафизмы первыми вошли в песенную утреню, заменяя собой здесь те антифоны, которые предшествовали непорочным.

Вторым моментом, повлиявшим на трансформацию чина песенной утрени был канон. Введение его в песенную утреню значительно растворило последнюю, так что часть утренних молитв, оторвавшись от своих псалмов, оказалась связанной с теми или другими песнями канона. Так, например, упомянутая выше грузинская рукопись б. Тифлисск. церк. музея приводит такой порядок отправления канона: «Возглас «Милостию и щедротами...», канон «Поим Господеви, славно бо прославися». После 3 песни молитва «Благих сокровище источниче присно текущий...», малая ектения, седален или ипакои, если их положено два. По 6 песне молитва «Благодарим Тя, Господи Боже, спасений наших...», малая ектения, «Мир всем», ипакои и чтение. По 7 песне священник молитву: «Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа...», малая ектения, возглас «Буди держава царствия Твоего...». По 8 песне молитва «Господи, Боже наш, сонное уныние...», «Господи, Боже наш, прилежное сие моление прими от рабов Твоих...». Народ: «Господи, помилуй» — 9 раз. Священник: «Яко милостив и человеколюбец Бог еси» **(Кекелидзе. Лит. груз. пам., стр.145-146).**

После 9 песни канона читалась молитва «Боже, Боже наш, умное и словесное составивый силы», затем полагались ексапостиларий и хвалитные стихиры с великим славословием, после чего читалась молитва отпуста «Хвалим, поем...» **(Дмитриевский. Евхология, стр.89).**

Следующим моментом был отрыв молитв от тех же кафизм из песней канона и перенесение их на начало утрени, т.е. на время чтения шестопсалмия.

Что касается конца утрени, начиная от хвалитных псалмов, то эта часть подвергалась изменению под влиянием господствовавшего в той или иной церкви монастырского устава, студийского или иерусалимского. Особенности этих уставов в данном отношении указывает Никон Черногорец: «Подобает веди яко в студийском типиконе отнюдь славословие великое не бывает ни в неделях, ни в великий праздник, нов тех днеш на хвалитех глаголет стихиры такоже и на стиховне **(След этой практики в современном русском богослужении сохранился в службе Благовещению Пр.Богородицы, где «аще же день постен», великое славословие не поется, но полагаются стиховные стихиры и «Благо есть»)**. В малые же праздники на стиховне точию глаголет стихиры такоже и в прочие дни; а во иерусалимстем типиче не тако, но во всякую неделю славословия великая иматъ, такоже и во всю пятидесятницу и от Христова Рождества до святаго Василия, такоже и от просвещения дондеже отдалят праздник; прочая же великия праздники той един день точию, в субботы же и средняя праздники на хвалитех глаголет стихиры, такоже и на стиховне; в прочая же малыя праздники и еще и в прочия дни не глаголет на хвалитех отнюдь стихир, но на стиховне точию. Сие убо подобает и zde творити» **(Тактикон, сл.1. л.15).**

Отсюда можно полагать, что во время преп.Никона (XI в.) в монастырях и храмах, где господствовал иерусалимский устав, в частности, в Палестине, на Синае, в Антиохии, довольно прочно удерживалась древнехристианская традиция пения великого славословия. Эта традиция сохранялась и в Великой Константинопольской церкви. Что же касается константинопольских монастырей, то они в течение всего года на воскресных и праздничных утренях, как и в седмичные дни, за исключением праздника Воздвижения Креста Господня и крестопоклонного воскресения, когда выносился для целования крест, великое славословие читали, а не пели. Таким образом, конец утрени здесь в большей степени сохранял следу древне-иноческого правила псалмопения, а именно

«Сподоби, Господи», добавляемое к сокращенному славословию, библейские стихи «Исполнимся завтра...», «И буди светлость Господа...», «Благо есть» и Трисвятое.

В итоге распространения в XIII веке иерусалимского устава во всей греческой церкви, восторжествовала первая практика. Во всей восточной церкви великое славословие стали совершать на воскресные дни и так называемые бденные и полиелейные праздники, чтение же славословия сохранилось за вседневным богослужением.

Что касается утрени с великим славословием, то преп.Никон Черногорец, классифицируя праздники и устанавливая для них всего три знака: ⊕ — бденный, + — полиелейный и : (с «тремя точками») — шестеренный (**Тактикон, сл. 1**), — об трене с великим славословием как разновидности праздничного богослужения ничего не говорит. Очевидно, утрени с великим славословием при жизни преп.Никона (XI в.) не существовала и представляет собой более позднее явление и прямое влияние в последующие столетия богослужебной практики Великой Константинопольской церкви.

Особенности отправления утрени в русской церкви в досинодальный период

Русские приняли христианство в X веке из Византии, следовательно, в то время, когда на Востоке современный нам чин утрени окончательно не сформировался и когда в самом Константинополе, откуда пришли первые русские иерархи и клирики, отправлялась песенная утрени. Поэтому русская церковь на первых порах своего существования руководствовалась уставом Великой Константинопольской церкви с его песенными чинопоследованиями. Вскоре после этого, т.е. в 1062 г., преп.Феодосий Печерский ввел в своем монастыре Студийский устав, а так как Киево-Печерский монастырь в истории русского монашества имел исключительное значение как рассадник духовного просвещения, книжности и церковной уставности, то, естественно, что и принятый в нем Студийский устав стал распространяться по другим монастырям Руси.

Таким образом, с XI века в русской церкви начинают одновременно функционировать два устава: Великой Константинопольской церкви и Студийский, из коих первый содержал песенные чинопоследования, а второй — монастырское богослужение, создававшееся на основе иноческого правила псалмопения. Наконец, на рубеже XIV и XV столетий в Россию проникает Иерусалимский устав, который к этому времени на Востоке стал господствующим и получил широкое распространение во всей церкви, вытеснив устав Студийский. Он содержал в себе богослужебные чинопоследования уже в том виде, в каком они были в результате завершившегося процесса слияния песенных чинопоследований с монастырским богослужением. Этот устав, естественно, сталкивался в русской церкви уже в твердо сложившимися богослужебными порядками, какие установились здесь на основе устава Великой Константинопольской церкви и устава Студийского. Все изложенное создало в русской церкви исключительное многообразие богослужебной практики и, в частности, в отпращивании чина утрени, каковое многообразие продолжало у нас существовать до конца XVII столетия. Перечислю эти особенности.

Первая особенность касается порядка отправления шестопсалмия. Она состояла в том, что у нас, под влиянием практики песенных чинопоследований, последний стих каждого из шести псалмов пропевался дважды. Кроме того, певчески исполнялись в конце шестопсалмия «Слава», «И ныне» и «Аллилуиа». Поэтому печатные псалтири XVII столетия в каждом псалме шестопсалмия последний стих его да напечатанным дважды. Кроме того, по примеру восточной церкви, где шестопсалмие читает еkkлeсиарх или «учиненный» монах, у нас в соборных храмах шестопсалмие читал епископ (**Чиновник Холмогорского собора, стр.10**). Наши предки свято чтити установленную еще первыми египетскими отшельниками традицию молчаливого и особо благоговейного сосредоточенного поведения в храме во время чтения шестопсалмия. В уставах по этому поводу говорилось: «Да поет еkkлeсиарх ексапсалмы или устроенный на то мних, якоже есть обычно. Косно и елико можно есть с сокрушением и со вниманием. Также и вси в себе якоже самому Богу беседующие и о своих молящися гресех. Подобае же ему кротким и тихим гласом пети, во услышание всем. Покашляти же или плюнути или всяко от места своего преступити или пройти или из внешнего притвора в церковь внити, егда подтса екзапсалмы, не имать никтоже области. Бесстрашно бо сие и бесчинию знамение есть... Аще ли кто старостию преклонился есть, или

недугом одержим, и не может сохраниться, якоже прежде рехом, да пребывает таковой пред церковью до окончания екзапсалмов, и потом да входит» (**Устав 1633 г., л.3 об. и 1641 г., л.3 и об.**).

Вторая особенность екзапсалмов имела место в отправлении «Бог Господь...». Некоторые более ранние уставы указывают такой порядок: «Уставленный мних... поет Бог Господь, также приглашает стихи... и к коемуждо стиху припевает мних Благословен грядый во имя Господне, лики же по коемуждо стихе поют Бог Господь явися в той же глас. Таже паки мних Бог Господь явися и глаголется от певец тропарь воскресный» (**Мансветов. Церковный устав, стр.434; Горский. Описание, стр.291**). Это указание представляет собой отголосок практики пения псалмов на песенной утрени, где к каждому стиху псалма полагался определенный припев.

Третью особенность русской утрени составляло распевное исполнение кафизм. Наряду с чтением кафизм, как они отправляются и теперь, существовала еще практика пения их. В таком случае кафизмы распевались постишно с припевом к ним «аллилуиа» или с каким-либо другим. Разумеется, пропевали далеко не все стихи и не все псалмы кафизмы, а лишь отдельные избранные стихи из них, например, вторая кафизма, отправлявшаяся на воскресной утрени, в церковных обиходах и ирмологиях распевалась в следующем виде: «На утрени начинает правая сторона каф. вторую:

ИСПОВЕМСЯ ТЕБЕ, ГОСПОДИ, ВСЕМ СЕРДЦЕМ МОИМ

Аллилуиа.

ПОВЕМ ВСЯ ЧУДЕСА ТВОЯ

Аллилуиа.

СЛАВА ОТЦУ И СЫНУ И СВЯТОМУ ДУХУ

Аллилуиа.

И НЫНЕ И ПРИСНО И ВО ВЕКИ ВЕКОВ. АМИНЬ

Аллилуиа.

АЛЛИЛУИА, АЛЛИЛУИА, СЛАВА ТЕБЕ, БОЖЕ — 3 р.

Вторую слав. начинает левый лик.

СПАСИ МЯ, ГОСПОДИ, ЯКО ОСКУДЕ ПРЕПОДОБНЫЙ

Аллилуиа.

ЯКО УМАЛИШИСЯ ИСТИНЫ ОТ СЫНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Аллилуиа.

СЛАВА ОТЦУ И СЫНУ И СВЯТОМУ ДУХУ

Аллилуиа.

И НЫНЕ И ПРИСНО И ВО ВЕКИ ВЕКОВ. АМИНЬ

Аллилуиа.

АЛЛИЛУИА, АЛЛИЛУИА, СЛАВА ТЕБЕ, БОЖЕ — 3 р.

Третью слав. начинает правый лик.

ГОСПОДИ, КТО ОБИТАЕТ В ЖИЛИЩИ ТВОЕМ

Аллилуиа.

СЛАВА ОТЦУ И СЫНУ И СВЯТОМУ ДУХУ

Аллилуиа.

И НЫНЕ И ПРИСНО И ВО ВЕКИ ВЕКОВ. АМИНЬ

Аллилуиа.

АЛЛИЛУИА, АЛЛИЛУИА, СЛАВА ТЕБЕ, БОЖЕ — 3 р.»

(Ркп Лен. гос. публ. библ. шифр Кир No.579, л.181-182 и об.)

В некоторых памятниках количество стихов в каждой кафизме несколько больше и, в таком случае, они исполнялись хорами постишно, а не по «славам».

В ркп Лен. гос. публ. библ. шифр Кир No.587 — XVII в., л.112-150 об. я нашел распетыми таким образом не только 2 и 3 кафизмы, отправляемые на воскресной утрени, но и 4, 5, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 19, 20, т.е. те кафизмы, которые, как по летнему расписанию чтения кафизм, так и по зимнему, читаются на утрени седмичных дней. Кафизмы же 6, 9, 12, 15 как положенные в летнее время на вседневной вечерне, а в зимнее составляющие 3 кафизму на вседневной утрени, а также и кафизма 18 как отправляемая на вседневной вечерне в данном случае отсутствует. Это обстоятельство дает основание считать, что кафизмы певчески исполнялись не только на воскресной утрени, но и в седмичные дни, когда приходился полиелейный или бденный праздник.

Само по себе такое распевное исполнение кафизм является следствием распространения в древней Руси песенных чинопоследований, на которых, как говорит блаж.Симеон, ничего не читалось, но все исполнялось певчески.

Уставные чтения между кафизмами, по-видимому, не всегда точно соблюдались. Так можно судить потому, что наряду с сохранившимися указаниями соборных чиновников о чтениях имеется специальное о них решение Стоглавого собора, которое гласит: «и чтобы священники и диаконы во святых Божиих церквах всегда с великим тщанием предстояние имели к Господу Богу и пречистой Богородице и небесным силам и всем святым прилежно и с благоговением и с великим воздержанием во вся дни заутрени и воскресныя и праздничныя и дневныя пели бы по уставу и божественные книги почитали евангелие толковое, и Златоуст, и жития святых, и прологи и прочие святые душеполезные книги на поучение и на просвещение и на истинное покаяние и на добрые дела всем православным христианам в душевную пользу» (**Стоглав, стр.80-81**).

Непорочны в русской церкви отправлялись, как и в восточной церкви, на воскресной утрени всего года, за исключением только воскресных дней, совпадающих с великими господскими праздниками, а также недель Ваий, антипасхи и пятидесятницы, в каковые исполнялся полиелей, поскольку в эти недели «не поется воскресно ничтоже». В период же зимнего времени, т.е. от отдания Воздвижения и до 20 декабря, а также с 14 января до недели блудного сына к непорочным прилагался полиелей, состоявший из 134 и 135 псалмов. По этому поводу «устав о псалтири» говорил: «в неделю на утрени каф. 2-я, 3-я, 17-я. Прилагаем же и полиелеос, сиречь многомилостиво. Псалом 134 Хвалите имя Господне. Другой псалом 135 Исповедайтесь Господеви. Слава и Ныне. Аллилуиа 3ж. А припевы те же». В недели же блудного, мясопустную и сырную к 134 и 135 псалмам добавлялся еще 136.

Таким образом, непорочны по существу отправлялись почти на всех воскресных утрених, в то время как полиелей только в зимнее время и то не всегда. Так, в период с 20 декабря по 14 января на воскресных утрених пели непорочны без полиелейных псалмов.

Совпадение с воскресным днем памяти полиелейного святого также не исключало отправления непорочных. Пение полиелейных псалмов и величания святому полагались после пения непорочных. Кроме того, в некоторых случаях непорочны отправлялись празднуемым святым и в седмичные дни. Так, например, 30/1, в день памяти трех святителей, в некоторых местах пели полиелей, т.е. 134 и 135 псалмы, а затем вместо избранного псалма прилагали непорочны, делимые на три статьи. Первая статья исполнялась с величанием святителю Василию: «Величаем тя, святителю Христов, Василие, иже благочестно церковь Христову непорочную сохранившего». Вторую статью пели с величанием святителю Григорию: «Достойно есть величати тя, Григорие Богослове, глубины Духа изыскавшего и доброты вещания приимшего». Третья статья исполнялась с величанием Иоанну Златоусту: «Ради вси песньми покаянию проповедника Златоустова Иоанна блажим» (**Ркп Лен. гос. публ. библ.: Кир. No.737, л.133-134**).

В некоторых храмах дух древней практики отправления непорочных сказывался еще сильнее в том смысле, что там в праздник трех святителей пение полиелейных псалмов вообще отменялось и пели только непорочны с вышеуказанными величаниями (**Ркп той же библ. Кир No.733, л.51 об. и 52; No.733, л.44 об.; No.734, л.22 об.; No.738, л.14; No.737, л.17.**).

Исполнялись непорочны не полностью, а лишь выборочно, по несколько стихов из «Славы», причем к этим стихам прилагались различные припевы. В певческих книгах XVI-XVII столетий они распеты в следующем виде:

«начин. прав. лик кафисму 17

БЛАЖЕНИ НЕПОРОЧНИИ

(В целях отличия стихов псалма от припевов первые обозначают прописными буквами)

Благословен еси Господи.

В ПОУТЬ ХОДЯЩЕЙ В ЗАКОНЕ ГОСПОДНЕ

Благословен еси Господи.

ВСЕМ СЕРДЦЕМ ВЗЫЩУТЬ ЕГО

Благословен еси Господи.

ГОСПОДИ

Научи мя оправданием Твоим.

ЗАКОНУ ТВОЕМУ

Господи, научи меня.
 СЛОВО ТВОЕ В СТРАХО ТВОЙ
 Дай же ми, Господи.
 В СМИРЕННОМУ МУДРОСТИ
 Утверди мя, Господи.
 ИСПОВЕМСЯ ТЕБЕ, БОЖЕ
 Исповемся Тебе.
 СЛАВА.
 ПРЕМУДРОСТИ И РАЗУМУ
 Господи, научи мя.
 И НЫН. тоиж. аллилуиа 3ж
 Посем лев. лик начин. 2-ю слав.
 Господи, помилуй 3ж. Слав. и нын.
 ГОСПОДИ, ВРАЗУМИ МЯ
 И жив буду
 РУЦЕ ТВОИ СОТВОРИСТЕ МЯ И СОЗДАСТЕ МЯ
 прип. тоиж.
 ИСПЫТАЮ ЗАПОВЕДИ ТВОЯ
 Господи, вразуми.
 ПОМОЩНИК МОЙ ТЫ ЕСИ
 Господи, спаси мя
 СПАСЕНИЕ ТВОЕ
 О дай же ми, Господи, Христе Спасе мой, помози ми.
 СЛАВ. ПО МИЛОСТИ ТВОЕЙ
 Господи и спаси мя
 И НЫН. аллилуиа 3ж. таж. Господи, помилуй 3ж
 Слав. нын.
 ПРИЗРИ НА МЯ
 И помилуй мя.
 ПО СУДУ ЛЮБЯЩИХ ИМЯ ТВОЕ
 прип. тоиж.
 Посем левой поет
 ПРИЗРИ НА МЯ
 Праведен ты еси, Господи.
 ВОЗЗВАХ К ТЕБЕ
 Господи, спаси.
 ГЛАС МОЙ
 Услыши, Господи.
 ВОЗЛЮБЛЕНИЕМ ПРАВДЫ ТВОЕЯ
 Господи, спаси мя.
 Спасе мой, слово Твое живи мя.
 Посем тропари на глас 5 Благословень еси Господи»
(Ркп Лен. гос. публ. библ. шифр Кир No.577, л.315, 319; No.579, л.182 об.; No.580, л.200 об.-203; No.609, л.162-165).

Практика пения непорочных на воскресной утрени в течение всего года, а также и на памяти отдельных святых, хотя бы в седмичные дни, была прямым следствием влияния на русское богослужение песенной утрени. Существовала у нас такая практика до конца XVII столетия. Официальной датой прекращения ее нужно считать 1682 год, когда был издан Типикон, указывающий в главе «О кафисмах во все лето» отмену пения непорочных в зимний период времени. Указание прежних типиконов «прилагаем же полиелеос сиречь многомилостиво на бдениях неделных от недели их по отдании Воздвижения честнаго креста и до недели сыропустных» (Типикон, 1610 г., л.59 об.) было принято редакторами типикона 1682 г. как исключяющее пение непорочных. Вместо прежнего указания: «В неделю на утрени кафизма 2, 3, 17.

Прилагаем же и полиелеос, сиречь многомилостиво», они дали иное: «В неделю на утрне кафизма 2, 3: прилагаем же и полиелей, сиречь многомилостиво». Кроме того, появилось еще новое указание: «Аще же прилучится в неделю праздник господский или Богородицы, или празднуемого святого, по дву кафизмах, полиелей, и по величании, не певше Слава и Ныне и Аллилуиа всем тропари Ангельский собор» (**Типикон 1682 г., л.40 об.-42 об.**).

Проф.Скабалланович по поводу отмены нашим уставом пения непорочных в зимний период времени и замены их полиелеем пишет: «По 17 гл. типикона в воскресенья от отдания Воздвижения, т.е. с 23 сент. до предпразднества Р.Х. 20 дек., и от отдания Богоявления 14 янв. до недели сырной вместо непорочных поется полиелей, т.е. 134 пс. «Хвалите имя Господне» и 135 пс. «Исповедайтесь Господеву». Основания для таких сроков: 1) полиелей, занимая более времени, чем непорочны, поется по преимуществу в осенние и зимние воскресенья, когда ночи длинные и, следовательно, бдение приходится начинать раньше и оканчивать позже; 2) полиелей отменяется 20 дек. — 14 янв. от стечения в этот период великих праздников, имеющих полиелей более торжественный, чем воскресный, отчего впечатление последнего ослаблялось бы 3) в великий пост полиелей отменяется по скорбности этого периода (**Скабалланович. Толковый типикон, вып. II, стр.230**).

Объяснение проф.Скабаллановича, якобы полиелей более продолжителен, чем непорочны, и потому заменяет последние в зимнее время, не выдерживает критики, так как известно, что 118 псалом в несколько раз больше 134 и 135 взятых вместе. Не выдерживает критики и объяснение им отмены полиелея в период от 20 декабря по 14 января и в период великого поста. Здесь проф.Скабалланович оказывается вовсе непоследовательным, когда один и тот же полиелей в первом случае считает «ослабляющим» торжественность праздника: в другом — не соответствующим «скорбности великопостного времени». В таком случае непорочны, поемые в период рождественских праздников, оказываются «торжественными» песнопениями, а в великом посту «скорбными»! По-видимому, дело объясняется проще, в именно отмена пения непорочных у нас произошла под влиянием практики греческого богослужения XVII столетия, о которой Арсений Суханов в своем Просквинитарии писал: «греки того чину мало берегут, а в волошских монастырях, где бывають малые ребята, то же говорят среди церкви на восток, и то бывает редко; а у синайского архиепископа говорят среди церкви молоденькие чернечки... Аще и полиелеос святому, то кто псалтирь говорит, тот же на налое, на крылосе «Господи помилуй», «Слава и Ныне», то же два псалма иже на полиелеосе, на конце «Слава и Ныне»; а не поют тех псалмов, и величаний нет же, ни избранных псалмов» (**Прав. пал., об., т. VII, вып. 3, стр.225-226**).

Редакторы типикона 1682 года, стремясь подражать греческим порядкам, с одной стороны, и с другой — не решаясь свести на нет пение непорочных и полиелея, в силу исконной у нас традиции торжественного их отправления, заняли средний курс, ограничив пение непорочных в основном летним периодом времени.

Что касается полиелейных псалмов, то они, как и непорочны, исполнялись не полностью. Пелись отдельные стихи из них, впрочем в большем количестве, чем это делается теперь.

Главные особенности отправления полиелея заключались в следующем.

В тех случаях, когда с воскресением совпадал празднуемый святой, которому полагался полиелей, тогда полиелейные псалмы непосредственно к непорочным не прилагались. Непорочны заканчивались пением тропарей «Благословен еси Господи», «Ангельский собор», далее полагалась малая ектения и пели ипакои гласа. Затем полагалось чтение из толкового евангелия и уже после этого чтения пели полиелейные псалмы с величанием празднику, затем все седалны праздника, чтение и степенны гласа, после чего полагалось чтение евангелия. Каждение храма совершалось на полиелее, а на непорочных его не полагалось (**Служебник 1601 г., л.7 об.; 1602 г., л.7 об.; 1630 г. л.7 об.; 1640 г., л.7 об.; 1646 г., л.4**).

В тех случаях, когда в один день совпадали два праздника, имеющие каждый свой полиелей, например, Вознесение Господне и память св.Николая 9 мая, сначала пели полиелейные псалмы, а затем величание главному празднику, далее полагался седален и уставное чтение. Потом исполнялось величание второму празднику, и пели его седален, и полагалось второе чтение. При отпращивании такого двойного полиелея иерей на первом величании кадил икону первого праздника и правую половину храма, а на втором — икону второго праздника и левую половину храма (**Голубцов. Чиновник Новгород. Соф. собора, стр.36 и Ркп Лен. гос. публ. библ. Кир. No.737, л.29 об.**). Наряду с этой практикой была и другая, когда оба величания пелись подряд и избранный

псалом второго читался под главу с праздничным (**Ркп Лен. гос. публ. библ. Кир. №.732, л.82 об. и 83**).

Заканчивался полиелей празднику, будет ли то в воскресенье или в седмичный день, целованием образа праздника, после чего духовенство возвращалось в алтарь, лик пел степенны, произносился прокимен, и иерей читал в алтаре евангелие празднуемого святого.

Чисто русскую особенность утрени составляло чтение на ней двух евангелий, а именно: в соответствии с древне-песенным чинопоследованием утрени у нас воскресное утреннее евангелие читали после великого славословия, предваря самое чтение воскресным прокимном. На том же месте, где теперь читается воскресное евангелие, т.е. после полиелея перед канонам, читалось или евангелие святого, если с воскресеньем совпадал праздник полиелейного святого, или, при отсутствии такого совпадения, евангелие Богородице от Луки, зач.4. По прочтении первого евангельского чтения, евангелие выносилось на середину храма для целования. Целующие его сначала делали два земных поклона и произносили молитву: «Со страхом и любовью приступаю Ти, Христе, и верую словесем Твоим; страхом убо греха ради, любовь же спасения ради». По целовании евангелия делали третий поклон, произнося тихо: «Верую, Господи, во святое евангелие, Христе Боже, помози ми и спаси мя» (**Типикон 1641 г., л.24 об.**).

Еще особенность. По прочтении евангелия, в то время как исполнялся 50 псалом, совершалось каждение храма, начиная от иконостаса; кадили иконостас, местные иконы по правую и левую сторону, лики и молящихся. Каждение это совершал диакон, а пономарь носил перед ним свечу по примеру того, как теперь диакон носит свечу перед иереем, когда тот кадит в начале всенощного бдения (**Службники 1601 г., л.7 об.; 1602 г., л.7 об.; 1627 г., л.7 об.; 1630 г. л.7 об.; 1640 г., л.7 об.; 1646 г., л.4**).

В части отправления канона у нас была двоякая практика. По одной практике канон отправлялся с пением стихов библейских песен (**Устав 1610 г., л.15 об. и 16; 1633 г., л.11; 1641 г., л.16 и об.**). По другой практике библейские стихи опускались, и вместо них полагались припевы, например, «Слава, Господи, Рождеству Твоему» или «Слава, Господи, Крещению Твоему» (**Дмитриевский. Богосл. в русской церкви в XVI в., стр.161**).

Изданные при патриархе Иосифе псалтири имеют на полях против десятого от конца стиха каждой песни пометки «мин» и на шестом от конца стихе «триод». Это дает основание полагать, что в данном случае имелось в виду употребление библейских песен на каноне только на вседневной утрени в великом посту.

Замесу, что вопрос отправления канона весьма интересовал наших предков, поэтому путешествовавший на Восток старец Арсений Суханов счел нужным обратить свое внимание на современную ему восточную практику отправления канона и свои наблюдения с исключительной обстоятельностью изложил в проскинитарии. После этого в уставе 1682 г. появилось указание в духе сообщения Суханова: «К первому же тропарю припев «Слава, Господи, святому воскресению Твоему», таже припевы песней воскресных (писаны в ирмологии)» (**л.11**). Тогда же появилась в типиконе специальная 18 глава «О же когда стихословятся песни: поем Господеви и Господеви поем», определяющая дни, в которые полагается праздничный порядок стихословия библейских песен («Поем Господеви») и вседневный («Господеви поем»). Самые же библейские стихи применительно к праздничному и вседневному порядкам отправления канона в духе сообщения Проскинитария Арсения Суханова были приложены к ирмологию, где и сохраняются до последнего издания.

Хвалитные псалмы исполнялись не полностью, но и далеко не в том сокращенном виде, в каком исполняются они теперь. В певческих сборниках псалмы представляются распетыми в следующем виде:

«таж псалом 148 начинает пр. стран
ХВАЛИТЕ ГОСПОДА С НЕБЕС
прип. Тебе подобает песнь, Боже.
друг. прип. Хвалите Его в вышних Его.
л(евый) ХВАЛИТЕ ЕГО ВСИ АНГЕЛИ ЕГО
п(равый) ХВАЛИТЕ ЕГО СОЛНЦЕ И ЛУНА
л. ХВАЛИТЕ ЕГО НЕБЕСА НЕБЕС
п. ДА ВОСХВАЛИТСЯ ИМЯ ГОСПОДНЕ

л. ТОЙ ПОВЕЛЕ И СОЗДАШЕСЯ
 п. ПОСТАВИ Я В ВЕК И В ВЕК ВЕКА
 л. И ВСЯ БЕЗДНЫ
 прип.2 — Дадите славу Богу
 п. ЗВЕРИЕ И ВСЯ СКОТИ
 л. И ВСИ СУДИИ ЗЕМСТВИИ
 п. ДА ВОСХВАЛЯТ ИМЯ ГОСПОДНЕ
 л. ИМЯ ТОГО ЕДИНОГО
 прип.3 — Тому подобает песнь
 п. НА НЕБЕСИ И НА ЗЕМЛИ
 л. ПЕСНЬ ВСЕМ ПРЕПОДОБНЫМ ЕГО
 п. ЛЮДЯМ ПРИБЛИЖАЮЩИМСЯ ИМ
 л. ВОСПойТЕ ГОСПОДЕВИ ПЕСНЬ НОВУ
 прип.4 — Слава Тебе, святыи Отче
 п. О СОТВОРШЕМ ЕГО
 л. ВОЗРАДУЮТСЯ О ЦАРИ СВОЕМ
 п. ПСАЛТИРИ ДА ПОЮ ЕМУ
 л. ВОЗНЕСЕТЬ КРОТКЫЯ ВО СПАСЕНИЕ
 п. ВОЗРАДУЮТСЯ НА ЛОЖАХ
 прип.5 — Пощади ны, Господи
 л. И МЕЧИ ОБОЮДУ ОСТРИ В РУКАХ
 п. ОБЛИЧЕНИЕ В ЛЮДЕХ
 л. ОКОВЫ ЖЕЛЕЗНЫМИ
 п. СЛАВА СИ ЕСТЬ ВСЕМ ПРЕПОДОБНЫМ ЕГО
 л. ХВАЛИТЕ БОГА ВО СВЯТЫХ ЕГО
 прип.6 — Сыне Божий, помилуй нас
 п. ВО УТВЕРЖДЕНИЕ СИЛ ЕГО
 л. ХВАЛИТЕ ЕГО НА СИЛАХ ЕГО
 п. ПО ПРЕМНОГОМУ ВЕЛИЧЕСТВИЮ ЕГО
 прип.7 — Слава показавшему свет
 л. ВО ГЛАСЕ ТРУБНЕМ
 п. ВО ПСАЛТИРИ И ВО ГУСЛЕХ
 л. В ТИМПАНАХ И ЛИЦЕ
 п. ВО СТРУНАХ И ОРГАНЕХ
 прип.8 — Тебе подобает, Господи
 л. В КИМВАЛЕХ ДОБРОГЛАСНЫХ
 п. ХВАЛИТЕ ЕГО В КИМВАЛЕХ ВОСКЛИЦАНИЯ
 л. ВСЯКО ДЫХАНИЕ ДА ХВАЛИТ ГОСПОДИ»
(Ркп Лен. гос. публ. библ. Кир. No.577, л.357-359; No.609, л.179 об.).

К псалмам прибавлялись стихиры. При пении последнего из стихов «Всякое дыхание да хвалит Господа», хоры сходились на середине храма и здесь пели великое славословие.

Что касается великого славословия, то до середины XVI века у нас существовала двоякая практика его отправления, а именно: в одних местностях, в том числе и в самой Москве, в соответствии с практикой Студийского устава великое славословие читали, в других же местностях, наиболее верных традициям Великой Константинопольской церкви, как, например, в Новгороде и Пскове. оно исполнялось певчески. В связи с этим Иоанн Грозный задавал вопрос отцам Стоглавого собора: «Коя ради вины в нашем царстве на Москве и во всех московских приделах, и с соборных церквех и в приходных, кроме монастырей, по воскресным вечерам, и по праздничным, и великим святым егда выход бывает, святыя славы не поют, а на заутрени в неделю и в праздники, славословия на потже, якож в прочия, простые дни речу говорить, а во уставе назнаменовано, нарочитым святым славословие великое, что ему почесть... как есме был в Новгороде великом, и во Пскове, во святей Софее, премудрости Божее, и у живоначалные Троицы и во всех святы Божиих церквах по воскресным днем, и по господским праздником, и нарочитым святым, на вечерни когда

выход, святых славы поють, и славословие поють ж на заутрени, в воскресны дни, и в праздники когда, во уставе молвлено славословие великое» (**Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинех (Стоглав., Вопрос 33)**). Собор по этому поводу вынес решение: «А о прочем о церковном пении все по уставу творити, славословие пети» (**Там же, ответ, гл.16**). Решение собора было, видимо, принято к руководству на местах, и памятники XVII столетия уже определенно говорят о пении великого славословия в Москве. В этом смысле 15 год можно считать датой изъятия студийской практики чтения великого славословия.

Самое пение великого славословия носило торжественный характер. После того, как певцы кончали слова богородична «Благословен Бог наш изволивый тако...», иерей возглашал, а иногда даже пел распевно «Слава показавшему свет» (**Ркп Лен. гос. публ. библ. Кир. №.580, л.239**). Певцы обоих хоров на сходе, а иногда лучшие из них на амвоне (**Голубцов. Чиновники Моск. Успенск. собора, стр.34-36 и др.**), начинали великое славословие. Заканчивалось славословие троекратным пением Трисвятого, которое в некоторых случаях исполняли один раз по-гречески и два по-славянски (**Ркп Лен. гос. публ. библ. Кир. №.577, л.361-362**). После Трисвятого иерей произносил возглас: «Яко Твое есть царство...» (**Типикон 1610 г., л.17 и об.; 1641 г., л.17 и л.26 и об.**), и хор пел тропарь воскресный или праздника.

Торжественная обстановка исполнения хвалитных псалмов и великого славословия в соборных храмах достигала своего апогея благодаря совершению в это время входа, в котором участвовало все духовенство, не только данного собора, но и всех городских храмов и даже «прибылые попы», т.е. священники и диаконы, прибывшие в город с периферии и почему-либо здесь задержавшиеся на воскресный день. Самый вход совершался подобно нашему входу с евангелием на литургии, но с той разницей, что здесь предносилось не только евангелие, а и запрестольный крест с прикрепленными к нему тремя свечами. В некоторых местах, как, например, в Новгороде, на входе несли не один, а несколько крестов, очевидно, от нескольких церквей, из которых участвовало во входе городское духовенство (**Голубцов. Чиновник Новг. Соф. собора, стр.156**).

Если служил епископ, то он час не участвовал в этом входе, а стоял среди храма на кафедре, куда переходил после канона со своего обычного места, что у правого клироса. «По обеденному чину» протоиерей подносил евангелие для целования епископу и относил его затем в алтарь. Духовенство по два, по чину кланялись епископу и шли в алтарь, где пели один раз Трисвятое, в то время как епископ продолжал стоять на кафедре. Затем, после пения тропаря, диакон произносил утренний воскресный прокимен, но без «Всякое дыхание...». Не было и возгласа «Яко свят...». После прокимна старейший священник выносил евангелие на амвон и здесь читал его, затем подносил для целования епископу и относил его в алтарь (**Ркп Лен. гос. публ. библ. №.284, л.26 и об.; Голубцов. Чиновники Моск. Успен. собора, стр.83; Чиновник Новгор. Соф. собора, стр.156**).

Соборные входы с участием всего городского духовенства совершались на всех воскресных утренях в течение года, за исключением периода пения постной и цветной триоди. Такова была практика в Москве. В Новгороде совершали их в период пения постной триоди. Почему не совершали соборные входы в период пятидесятницы — это в новгородских соборных чиновниках объясняется тем обстоятельством, что в этот период в приходских храмах служились молебны святым (**Голубцов. Чиновник Новгор. Соф. собора, стр.235-236**).

Разумеется, от периода года, когда духовенство городских церквей освобождалось от участия в соборном входе, последний совершался местным причтом, и если епископ отсутствовал в храме, то евангелие читалось не на амвоне, а в алтаре (**Голубцов. Чиновник Моск. Успен. собора, стр.81**).

В торжественных входах, в которых участвовало все городское духовенство, сказывалось влияние Устава Великой Константинопольской церкви с его песненными последованиями, и несение на входе запрестольного креста с горящими перед ним тремя свечами было унаследовано из песенной утрени. Кроме того, в условиях общественной жизни древней Руси, где собор являлся центром всей общественной жизни не только города, но и княжества в целом, соборные входы были свидетельством единства церковно-общественной жизни и связей города и княжества с собором как со своей святыней. Поэтому-то на входах в городском соборе участвовали не только причты городских церквей, но и прибывшие с периферии «прибылые попы». По этой же причине неявка на вход без уважительной причины того или другого священника каралась денежным штрафом. «А на выход священником и впредь ходити по старине, в которой священник на выход не придет, и на том имети заповеди по гривне по новгороцкой, а скажет которой поп на выход не поспел боля для

или родительницы, или которые иные для нужи, ино про него послать в улицу обыскать в его приходи людьми добрыми и обыщут про него что он на выхо не был для нужи, и на тех священниках заповеди не имети, а который солжет священник прихожане по нем в обыску не молвят: и на том священнике заповедь имати по старине по гривне да хоженое», — писал в 1551 году московский митрополит Макарий новгородскому архиепископу Серапиону (**Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах (Стоглав). Москва, 1890 г., стр.314**).

Описанные торжественные входы на великом славословии существовали в русской церкви до половины XVII столетия. В 1653 г. патриарх Никон распорядился об отмене их (**Голубцов. Соборн. чиновники и особенности службы по ним, стр.145**). По всей вероятности, действия патриарха Никона вытекали из той последовательной борьбы его за Иерусалимский устав, какую он проводил в период своего патриаршества. Это были те же побуждения, по которым он через два года в 1655 г. отменил вторичное богоявленское водоосвящение, совершавшееся в русской церкви в самый праздник Крещения Господня перед обедней в храме и неизвестное Иерусалимскому уставу в ранних его списках.

После великого славословия и чтения евангелия следовали обычные ектении: сугубая и просительная, а затем полагался отпуст. Последний имел ту особенность, что «Утверди, Боже» само по себе служило многолетствованием, так что самый отпуст «Христос истинный Бог наш...» никаким песнопением «не покрывался» (**Типикон 1641 г., л.17, об.**).

В части отправления литии, положенной по современному типикону на воскресной утрени перед чтением 1 часа, у нас существовала многообразная практика. Типикон 1641 г. по этому поводу говорит: «зде же в России обычай сице узаконился: по отпущении заутрени аще господский праздник, совокупльшемся обема клиросма на сходе и поют слава и ныне стихиру евангельскую настоящего гласа, и потом предлагается оглашение студитово. По окончании же чтения глаголют клирицы троп. глас 8 православию наставниче. Конец с пением глаголет же 2-й лик слав и ныне Бог. Глас тойж, иже нас ради рождейся от девы, и посем приидите поклонимся триж. и 1 час» (**л.27**).

В некоторые праздники исхождение в притвор заменялось крестным ходом вокруг самого монастыря, причем во время процессии исполнялись канон и стихиры праздника в количестве, которое потребно было на все время шествия крестного хода. Монастырские обиходники о таком исхождении обычно говорят: «Начинаем в трапезе молебном (т.е. в трапезной части храма). Канон поем со ирмосом на 8, ирмос по 2ж, и покрывают ирмосом же, а не спасают (т.е. не поют «Спаси от бед»); припевы поют тех и стихиры и Владычице поют. А коли круг монастыря ходят со кресты, осеняет игумен крестом после друга октении (т.е. после каждой ектении)» (**Ркп Лен. гос. публ. библ. Кир. No.730, л.31 об.; No.732, л.53 и об.; No.733, л.47; No.734, л.137 и об.; No.738, л.15**).

В приходских храмах утренняя лития заменялась молебном, на что указывает Стоглавый собор: «Отпев заутреннюю, со всяким благочестием и со страхом Божиим, да по заутрени, или пред обеднею пели бы молебны...» (**Церковные вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах, гл.4**).

В Новгороде, Москве и других крупных городах утренняя лития представляла собой шествие в крестным ходом вокруг городского кремля и по улицам города. В этих крестных ходах, как и на утреннем входе, кроме соборян, участвовало духовенство всех приходских храмов города, причем наряду с соборными святынями — крестами и иконами — на таком крестном ходе предносились святыни и приходских церквей. Во время крестного хода пели каноны, обычно в честь святых, мимо церквей которых двигалось шествие, произносились ектении, читалось евангелие и освящалась вода. Описание такого крестного хода дает чиновник Новгородского Софийского собора: «В сий день (разумеется второе воскресение Петрова поста) ходят со кресты от шести соборов к Софеи, Премудрости Божией, старосты поповские, коиждо от своего собору. В благовест софейской повелевает коиждо староста у себя в соборе благовестить на собор, и собираются коиждо в соборы своя, попы и диаконы всего града от своих церквей. И после софейского благовести велит коиждо староста звонить во вся, коиждо у своего собору, и поднимают кресты по чину, а знаменской протопоп приходит в Успенский собор, а Никольский протопоп приходит в Ивановский собор. И начинают молебен, а на молебне, идучи, поют ирмосы и сохраняют (**выражение «сохраняют» — то же, что «спасают» — указывает на пение «Спаси от бед...»**) по Достоинно. Егда же со кресты идут в каменной город и из города, тогда на софейской колокольни звонят во вся. И пришед со кресты, и ставятся за олтарем у святых богоотец Иоакима и Анны. По сем протопопы и старосты и

десятские диаконы входят в церковь Иоакима и Анны и знаменуются у мощей святителя Никиты, и приемлют от святителя благословение и от ключарей роспись канонами, которые на молебне пети, и паки исходят за олтарь святых богоотец Иоакима и Анны, и начинают молебен. Диакон: Благослови, Владыко; протопоп: Благословен Бог наш; таже чредные священники и диаконы Трисвятое и прочее молебен. И створяет другой протопоп с старосты и со священники со обоих стран начальнойшему поклонение два-два. И поют на молебне канони: 1-я статья Спасу за всяко прошение или о ведре или о дожди да Илии пророку; 2-я статью Успению Пресвятой Богородицы, 2-й творец 4-го гласа, да Чудотворцу Никиты, епископу новгородскому; 3-я статья Знамению Богородицы да Иоанну архиепископу; 4-я статья Рождеству Богородицы да Нифонту епископу; 5-я статья Рождеству Иоанна Предтечи да Еуфимию архиепископу; 6-я статья Иакову, брату Господню да Ионе архиепископу; 7-я статья Иоанну Богослову, да Моисею архиепископу, новгородским чудотворцом. А у ектеней возгласы говорят и евангелия чтут протопопы и старосты и священники постепенно. И по всех канонех поют: Владычце, прими молитву; таже Трисвятое, и, по Отче наш, тропари и кондаки, имже каноны пети. Таже диакон ектению с кадилком: Помилуй нас, Боже, и по ектении протопоп молитву за всяко прошение или о ведре или о дожди и отпуст со крестом, и на отпущении поминает всех святых, имже каноны петы. И по отпущении протопопы с благословящими кресты, а с ними старосты и десятские попы идут в церковь богоотец Иоакима и Анны и подносят ко святителю кресты; святитель же, прием кресты, благословит себе, таже протопопов и старост и десятских диаконов благословит. И посем протопопов и старост и десятских диаконов благословит. И посем протопопы и старосты и десятские диаконы паки выходят за олтарь Иоакима и Анны, и благословляют протопопы кресты старост и священник и диаконов и весь народ, прилучившийся ту, и кропят святою водою. И по сем кождо протопопы и старосты идут со кресты во своя соборы, а идучи поют: Яко щедр и согласие **(Согласием здесь называется двухголосное или трехголосное пение, которое при унисонном пении в целом в XVII столетии составляло шедевр духовной музыки и применялось в торжественных моментах богослужения)**. И пришед кождо в свой собор, сотвори диаконства малая, чтут евангелие животворящему кресту и храму и ектения меньшая: Помилуй нас, Боже, бес кадила, токмо о царе и святители и за вся христиане; возглас: Яко милостив и отпуст со крестом» **(Голубцов. Чиновник Новгор. Софийск. собора, стр.236-238)**.

Многообразие порядков отправления утренней литии увеличивалось еще благодаря частным особенностям отправления ее в отдельных обителях. Так в Троице-Сергиевой лавре в день памяти преп.Никона 17 ноября, очевидно, в связи с зимним временем лития совершалась не вокруг стен обители, а в храм, посвященный преподобному. По этому поводу устав Троице-Сергиева монастыря говорит: «Всенощное поют в трапезе, а допевают в Никоне Чудотворце. Пропев «Утверди, Боже», и отпуст сотворив, понесут диаконы праздник в стихарех, а диакон с свечою, архимарит в ризах и священники, и братья вся, идут со свечами и пришед в Никон Чудотворец, поют стих, на целовании, приидете иночествующих, и поставят праздник среде церкви, а у раки чудотворца станут диаконы с свечами, архимарит целует и священники и братия» **(Горский. Описание, отд.3, ч.1, стр.380)**.

В Кирилло-Белозерском монастыре в монастырские праздники часть литии совершалась на судне, на котором крестный ход проезжал мимо обители. Здесь же на судне освящали воду, которой затем на берегу в монастырской конюшне кропили лошадей, о чем монастырские обиходники говорят: «На другом часу дни выходе выходим вне монастыря. Канон поют Пречистой да двенадцати апостолам, евангелие чтут в церкви предтечеве. А другая статья канон Флору да Лавру да Кирилу чудотворцу, евангелие чтут на конюшне, да воду святят едучи в судне августовым крещением (разумеется чин малого освящения воды). После первой стати и лошади на конюшни водою святят» **(Ркп Лен. гос. публ. библ. Кир. №.732, л.92; №.733, л.80; №.734, л.30 и об.; №.738, л.34 и об.)**.

Освященная на крестном ходе вода служила не только для кропления несомых святынь и молящихся, но в отдельных случаях ею кропили городские ворота **(Голубцов. Чиновники Моск. Успен. собора, стр.136. Чиновники Холмогор. Преобр. собора, стр.127-128.)**, в Новгороде же и Троице-Сергиевой лавре освященную в дни местночтимых святых и храмовые праздники воду как особую святыню посылали в Москву к царю **(Голубцов. Чиновники Новг. Соф. собора, стр.54, 56, 95 и др.)** и к патриарху **(Горский. Описание, отд.3, ч.1, стр.374, 375, 380, 381.)**. Этого же обычая держались и в других городах, посылая, ввиду отдаленности Москвы, святую воду в ближайшие города. Так чиновник Холмогорского Преображенского собора говорит, что в храмовой праздник

Преображения Господня архиерей посылал «протопопа да священника к городу Архангельскому со святыми водами (Голубцов. Чиновники Холмогор. Преображ. собора, стр.158.).

Утренние крестные ходы создались у нас под влиянием устава Великой Константинопольской церкви, где в праздники после утрени перед литургией совершались торжественные литании по улицам Константинополя. Прекратились эти торжественные крестные ходы в русской церкви в начале XVIII столетия; 1722 год ознаменовался целым рядом указов об отмене крестных ходов и соборных служений, стоявших в центре русского городского богослужения. Памятник этого времени «Устав московских святейших патриархов» — этот немой свидетель церковной жизни Москвы второй половины XVII и первой половины XVIII столетия — имеет на себе неоднократные пометки вроде: «К Николаю в собор с нынешнего 1722 году указали Святейший Синод праздновать полиелей, к Гостунскому архиерею наряжать не приказали и благовесту туды не было, пел протопоп тамошний со см собором...» (Др. рос. библ. X, стр.275-276); «1722 году ходов в собор по прежнему не было по указу из Синода...»; «Ходов не было 1722 году по синодальному указу...» (Там же, стр.418-420). Это же подтверждает другой памятник того времени «Треодион с Богом Святым...», когда-то принадлежавший Московскому Успенскому собору: «1722 году по синодальному указу ходов никуда не было...» (Др. рос. вивл. XI, стр.116).

Особенности в отпращивании утрени по современному уставу греческой церкви

Образование в XII веке (условно) чина утрени на основе слияния песенной утрени с монастырской не оставило его неизменным на последующие века. В чине греческой утрени возникли новые изменения, каких не знала утренья XII века. Назову эти особенности.

1. Греки не читают ктиторских псалмов, но по возгласе иерея «Благословен Бог наш» полагается Трисвятое, а после «Яко Твое есть царство...» сразу же тропарь «Спаси, Господи», «Слава вознесыйся...», «И Ныне», «Предстательство страшное» после чего бывает сокращенная сугубая ектения, возглас: «Яко милостив и человеколюбец»; лик поет «Именем Господним благослови, Отче», и иерей возглашает «Слава Святей...». Каждения при этом не бывает (Типикон, стр.45. Иератикон, 21.).

2. Во время шестопсалмия, которое в монастырях читает предстоятель, а в соборах старейший клирик, иерей, стоя перед престолом, читает утренние молитвы. Во время же чтения второй половины шестопсалмия он выходит из алтаря перед святыми вратами и здесь доканчивает чтение утренних молитв, затем возвращается в алтарь, где произносит великую ектению (Иератикон, 22.).

3. Стихи, положенные для произношения на «Бог Господь», несколько отличаются от произносимых в русской церкви, а именно:

- а) Бог Господь и явися нам, благословен грядый во имя Господне.
- б) Исповедайтеся Господеви и призывайте имя святое Его.
- в) Все языци обыдоша мя и именем Господним противляхся им.
- г) От Господа бысть сия и есть дивна во очесех наших (Типикон, стр.55-56.).

4. По поводу пения кафизмы и полиелей греческий устав в главе «О псалтири» говорит: «Псалтирь по чину древних уставов стихословится пред седальными каждой стихологии, полиелей же, если положен, пред седальным третьей стихологии, но ныне из экономии времени в воскресные дни и праздники на утрени читаются краткие отделы псалтиря (сколько можно) и полиелей (если бывает праздник и литией) или непорочны, если с воскресеньем не совпадает празднуемый святой» (Типикон, стр.19.).

Полиелей же господских праздников составляют 134 и 135 псалмы («Хвалите имя Господне» и «Исповедайтеся Господеви»), богородичных же праздников — 44 псалом («Отрыгну сердце мое»), а празднуемым святым добавляют избранный свой на каждый праздник после того как скажут псалмы 144 и 145. Псалом 136 («На реках вавилонских») читается в недели мясопустную и сырную, ежедневно же стихологисуются по две кафизмы псалтири и в великом посту по три, а на первой седмице четырехдесятницы прочитывается дважды весь псалтирь, с вечера же недели Ваий по великую среду стихословится единожды. Не стихословится же от великого четверга по субботу пасхальной седмицы (Там же.).

Таким образом, в греческом богослужении чтение псалтири значительно сокращено по сравнению с более ранними уставами, и самый полиелей и непорочны в большинстве случаев

отправляются не певчески, а посредством такого же чтения, как и кафизмы. Эту практику, между прочим, отмечал еще в XVII веке Арсений Суханов, который по этому поводу в Проскинитарии писал: «Аще и полиелеос святому, то кто псалтирь говорит, тот же на нелсе на крылосе «Господи, помилуй» трижды, «Слава и Ныне», та же два псалма на полиелеосе, на конце «Слава и Ныне», а не поют тех псалмов и величаний нет же ни избранных псалмов». «Та же псаломщик и ныне блажени непорочнии в путь... говорит якоже прочие кафизмы на крылосе под стеною, а не среди церкви; на «словах» говорят «аллилуиа», якоже и на прочих кафизмах, но токмо дважды, яко же и у нас, а не поют «Блажени непорочнии» николи нигде греки, яко же у нас обыкло» (**Прав. пал. сбор., т.VII, вып.3, стр.226, 238.**)

В других случаях наблюдается пение полиелея, но зато отсутствует величание. Так отец архимандрит Антонин Капустин, описывая утреню, которую он видел на Синае в храмовый праздник Преображения Господня, говорит: «Однотипность службы прервана была пением полиелейных псалмов на распев греческого осмогласия... Ни величания, ни помазания, нераздельных у нас с понятием великого праздника, не было» (**Труды К.Д.А., 1873 г., III, стр.381-382.**)

5. При совпадении с воскресным днем богородичного праздника положенные в конце непорочных тропари «Благословен еси Господи...», «Ангельский собор...» не поются, но по полиелее сразу же полагаются ектеня, возглас и затем ипакои гласа, степенны, прокимен и евангелие праздника (**Типикон, стр.20.**)

6. На воскресной утрене, если с этим днем не совпадает празднуемый святой, евангелие после степенн не читается. Чтение его в таком случае переносится на более позднее время, а именно после 8 песни канона. После пения катавасии диакон возглашает: «Господу помолимся», и хор трижды поет «Господи, помилуй», иерей делает возглас: «Яко свят еси Боже наш и во святых почиваеши», хоры поют «Всякое дыхание...», иерей читает утреннее воскресное евангелие, после чего полагается «Воскресение Христово видевшие...», 50 псалом, Слава — «Молитвами апостолов», И ныне — «Молитвами Богородицы», «Помилуй мя, Боже», «Воскрес Иисус...»; иерей произносит «Спаси, Боже, люди Твоя...» и делает возглас: «Милостию и щедротами...», после чего диакон возглашает: «Богородицу и мать света...» и поют «Честнейшую» (**Типикон, стр.24.**)

7. Библейские песни канона стихословятся на великопостной утрене (**Там же, стр.326-327.**), а в прочее время года к тропарям канонов прилагаются припевы: к воскресному канону — «Слава святому воскресению Твоему, Господи»; к канонам господских праздников и триоди — «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе»; к богородичным — «Пресвятая Богородица, спаси нас», на память святых — «Святой Божий моли (или Святые Божии молитвы) за нас». К канонам октоиха в седмичные дни добавляются припевы: в понедельник — «Архангели Божии молитесь о нас»; во вторник — «Пророче Христов молися о нас»; в среду и пятницу — «Пресвятая Богородице, спаси нас»; в четверг — «Апостоли Христовы молитесь о нас» и «Святе Божий молися о нас»; в субботу к канону мученикам — «Молитвами мучеников Твоих, Христе Боже, помяни души раб Твоих», а к заупокойному — «Души их во благих водворятся» и «Блажени яже избрал и приял еси, Господи» (**Типикон, стр.21 и 46.**) Пространных припевов с упоминанием имен святых греки не употребляют, очевидно, в силу того, что такие припевы нарушали бы ритмичность стихосложения канона.

Катавасию греки после каждой песни канона не поют, но после восьмой песни канона пропевают подряд все ирмосы ее, от первой песни до восьмой включительно, катавасию же девятой песни поют по исполнению этой песни (**Иератикон, стр.30.**)

8. После канона и возгласа малой ектении «Яко ты хвалят вся силы небесныя...» хоры поют «Свят Господь Бог наш», но не три раза, а два, на третий же раз добавляют стих «Вознесите Господа, Бога нашего», диакон при этом никаких стихов не возглашает (**Типикон, стр.57.**)

9. Конец греческой утрени отличается от русской тем, что греки не произносят последних ектений, не делают отпуста и не читают первого часа. Не читая и 3 и 6 часов, переходят прямо к совершению литургии. На вседневной утрене после чтения «Благо есть...» и Трисвятого, когда будет пропет богородичен, иерей дает возглас: «Благословенно царство...» (**Типикон, стр.46.**) На праздничной утрене во время пения великого славословия диакон тайно читает ектении «Помилуй нас, Боже» и «Исполним утреннюю молитву», и иерей так же тихо произносит отпуст, Когда же хор, окончив великое славословие, пропоет тропарь, тогда сразу начинается литургия (**Типикон, стр.58.**)

Таковы особенности греческой утрени по современному ее уставу.

Заключение

Православная христианская утренья за почти двухтысячелетнее свое существование прошла сложный путь развития. Имея главным своим элементом псалмы и библейские песни она уже в первом веке стала дополняться гимнами собственно христианского сочинения в честь Господа Иисуса Христа. В последующих столетиях собственно христианское песнотворчество значительно усложнило самое чинопоследование. За это же время многие древние молитвы и песнопения исчезли из него. Некоторые из сохранившихся молитвословий потеряли свое прежнее место чине и теперь, например, невозможно установить, в связи с какими псалмами или библейскими песнями когда-то читались наши 4, 5 и 6 утренние молитвы.

Некоторые обряды, когда-то составлявшие характерную черту песенной утрени, сохранились лишь в богослужении отдельных праздников. Так, например, начало пасхальной утрени в притворе при закрытых вратах храма и употребление на ней иереем креста с трехсвечником ведут свое начало из песенной утрени. Таким же остатком древней песенной утрени является пение в великую субботу после великого славословия и обнесения плащаницей храма воскресного прокимна и чтение паремии, апостола и евангелия.

Но, пройдя этот сложный путь развития, утренья до настоящего времени сохраняет в себе как древнехристианскую традицию двухсоставность чина. Древнехристианское предрасветное моление или *Laudatio aurogae*, называемое в некоторых славянских часословах «Курогласными молитвами», дошло до нас в современном шестопсалмии, по поводу которого типикон говорит, что его следует читать «со всяким вниманием, не борзяся, но со страхом Божиим, яко самому Богу беседующе невидимо» и что во время этого чтения «не иметь кто власти шепты творити, ниже плюнути, или харкнути: но паче внимати от псаломника глаголемым, руце имуще согбены к персям, главу же преклонены, и оче имуще долу, сердечными очима зряще к востоком, молящесе о гресех наших, поминающе смерть, и будущую муку, и жизнь вечную» (последование в понедельник 1 седмицы великого поста).

Утреннее славословие в честь Христа — Солнца правды, по поводу отправления которого писал на рубеже I-II столетий проконсул Плиний и которое в ранних христианских памятниках известно под названием *Laudae*, сохраняется и теперь в хвалитных псалмах и великом славословии. Самый возглас «Слава Тебе, показавшему нам свет» может быть назван квинтэссенцией утреннего славословия, возносимого церковью Богу Отцу за посланный Им Свет миру — Христа Спасителя.

Так сохраняется в христианской православной церкви священное предание, унаследованное ею от апостольского времени